

«ПОДЗЕМНАЯ МОСКВА»

Уразбаев Малик

Экранизация романа Глеба Алексеева
«Подземная Москва»

НАТ. МОСКВА. ВЕЧЕР.

Тусклый осенний закат освещает кресты колоколен и золотые маковки башен Кремля, темной громадой возвышающегося над городом.

ТИТР:

Москва. Октябрь 1923 года

Вечерняя жизнь кипит обычной горячкой: гудит заводской гудок, слышен звон трамвая; несутся, как угорелые, прохожие по тротуарам и мостовым; автомобиль пугает пешеходов и извозчиков звуком клаксона; мелькает афишная тумба, на ней большой плакат, анонсирующий лекцию профессора Мамочкина «Тайна библиотеки Ивана Грозного».

МАМОЧКИН (З.К.)

На каждом шагу мы с вами
попираем подземную Москву,
этот зачарованный мир, такой
далекий от надземной прозы,
с ее откровенной погоней за
рублем. Если бы внезапно
Москву встряхнуло
землетрясение, мы с вами
обязательно угодили бы в
лабиринт хитро сплетенных
ходов, тайников и пещер.

ИНТ. ЛЕКТОРИЙ. ВЕЧЕР.

На трибуне в заполненном разношерстной публикой зале стоит высокий пожилой мужчина в поношенном костюме и съехавшем вбок галстук. Это профессор МАМОЧКИН. Несмотря на почтенный возраст, его движения живы, а в остром взгляде все еще заметен энтузиазм ученого.

МАМОЧКИН

Скоро мы отправимся туда, и
вы воочию увидите, что «по
вся дни» пребывает в ней.
Сейчас у русского рабочего
еще нет времени заняться
своим прошлым, надо строить
настоящее, не правда ли? Но,
конечно, придет время, и мы
с вами разберемся во всем,
не только в идеологическом и
экономическом, но и в
историческом наследии нашего
отечества. Я закончил,
товарищи.

Раздаются аплодисменты; слушатели начинают вставать со своих мест.

Мамочкин наливает в стакан воду из графина. Раздается громкий голос мужчины: «Ну а библиотека этого, Ивана Грозного, все ж существует, аль нет? Или это так, байки одни?!»; ему вторит второй: «Да, что там с библиотекой, товарищ профессор?»

МАМОЧКИН

Попрошу тишины. Тише,
товарищи. Тише!

Публика снова усаживается, а те, кто уже покинул свое место, слушают стоя.

МАМОЧКИН

Я отвечу на ваш вопрос,
товарищи. Библиотека Ивана
Грозного существует. Да. Ее
видели многие. В
шестнадцатом веке – Максим
Грек и Ветерман, ученый
патер из Дерпта, которого
Грозный пригласил «прочитать
ученые книги». Ветерман
спускался в подземелье,
составил даже «связку», то
есть каталог книг, но,
испугавшись, что Грозный
замурует его, как живого
свидетеля, уехал из Москвы.
В семнадцатом веке о
библиотеке Ивана Грозного
вспоминают Аркудий, Сапега,
Паисий Лагарид, а царевна
Софья посылает в подземелье
своего дьяка Макарьева. И
тот, продвигаясь по
подземному ходу, нашел
сводчатую камеру с
решетчатым оконцем. Он
просунул в оконце свечу и
увидел заваленные обвалом
потолка сундуки.

Слушатели, затаив дыхание и раскрыв рты, внемлют оратору. Тут и студенты, и организованные группы рабочих и солдат, и несколько бородатых тружеников села, знатоки археологии и просто любопытные, среди которых выделяется ЛИТВИНЮК, мужчина с неприметным лицом в неприметном сером костюме.

МАМОЧКИН

В существование библиотеки
глубоко верил Петр Первый,
давший дьяку Конону Осипову
средства для ее отыскания.
Но только в девятнадцатом
веке апологетами библиотеки
впервые выступают ученые:
Дабелов, Клоссиус, Тремер, а
также Соболевский, Щербатов
и Стеллецкий. Щербатов,
бывший помощник директора
исторического музея,
спускался в подземелье и
даже шел его ходами. Так что
можете не сомневаться,
библиотека существует, и
скоро, я уверен, мы все в
этом убедимся.

ТРУЖЕНИК СЕЛА

(с ехидцей)

Скоро... Когда скоро-то?
Сейчас, оно ведь, много чего
обещают! Так и ждать
устанешь.

Труженика села поддерживают еще несколько голосов: «Точно.
На обещания они горазды... Когда же, профессор?»

Литвинюк пристально оглядывает зал.

МАМОЧКИН

Скоро, товарищи. Уже совсем
скоро. Сейчас я готовлю
экспедицию в подземный
Кремль и, думаю, через год
мы с вами снова встретимся
здесь, и я смогу доказать
вам, что живущие до сих пор
легенды о богатствах Ивана
Грозного являются совсем не
вымыслом. Кстати, для работы
под землей мне понадобятся
помощники. Добровольные,
конечно. Есть желающие?

Не ожидавшая такого предложения публика энтузиазма не
выказывает. Сразу поднимается только одна рука. АРСЕНИЙ
ДРОТОВ, сухой, жилистый мужчина с горьковскими усами
приподнимается со своего места.

ДРОТОВ

Товарищ Мамочкин,
записывайте меня. Дротов моя
фамилия.

Литвинюк достает из кармана пиджака карандаш и блокнот и что-то записывает.

НАТ. ПОБЕРЕЖЬЕ ХОРВАТИИ. РАННЕЕ УТРО.

В море покачивается на волнах безымянный баркас. От него к скалистому берегу быстро плывет весельная лодка.

ТИТР:

Королевство сербов, хорватов и словенцев.
Февраль 1924 года

В ней четыре гребца и пассажир на корме. Это БОБ, молодой человек в спортивном твидовом костюме с заправленными в серые гетры брюками; широкая фетровая шляпа, скрывает черную смоль волос и презрительный излом бровей. Он с тревогой всматривается в береговую линию.

Гребцы налегают на весла, с каждым взмахом приближая крутые выступы скал.

Наконец, нос лодки утыкается в берег. Боб выскакивает прямо в воду, берет саквояж и, махнув на прощание матросам, бежит к скалам.

Гребцы окрикивают его, показывают куда-то в сторону.

Боб оглядывается.

К месту высадки приближаются два всадника, - полиция Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Лодка, тем временем, ложится на обратный курс.

Боб начинает взбираться по крутому склону. За его спиной слышатся голоса: «Стой! Стой!» Раздается выстрел. Боб оборачивается.

Видит, как полицейские спешиваются. Один указывает в сторону уплывающей лодки, другой в его сторону.

Боб закидывает саквояж повыше и, как кошка, лезет вверх. За спиной снова крики: «Стой! Стой, стреляем!» Боб оборачивается.

Один из полицейских метится в него из пистолета.

Боб прячется за камень. Раздается выстрел. Еще один.

Пуля пробивает шляпу, которая отлетает в сторону.
Боб достает из кармана револьвер. Выглядывает из укрытия.

Второй полицейский лезет вверх, пока первый держит на прицеле весь склон. Раздается выстрел.

Боб два раза стреляет в ответ.

Первый полицейский с криком падает. Ржут испуганные кони.

Второй страж закона прекращает погоню и прячется за выступом скалы.

Боб вытирает со лба пот. Выглядывает из-за камня, замечает спрятавшегося преследователя, прицеливается и стреляет. Слышится вскрик. Боб стреляет еще раз, после чего хватается за саквояж, шляпу и быстро карабкается по склону вверх.

НАТ. ДУБРОВНИК. БУЛЬВАР. ВЕЧЕР.

Вдоль шеренги кипарисов и агав идет Боб. Останавливается у освещенной газовыми фонарями террасы кафе, всматривается в лица разношерстной эмигрантской публики.

Здесь бывшие офицеры добровольческих армий, бывшие купцы, бывшие чиновники, бывшие профессора университетов...

Боб идет дальше.

Видит в конце улицы полицейский патруль.

Быстро сворачивает в переулок.

НАТ. ДУБРОВНИК. НАБЕРЕЖНАЯ. ВЕЧЕР.

Боб выходит на набережную. Из многочисленных ресторанов и кафешантанов слышна музыка, где-то крики и ругань.

Мимо проезжает автомобиль, на заднем сиденье которого тучный господин в цилиндре и блондинка с бриллиантовой диадемой во лбу, это ГЛАВИЧ и КЭТТ.

Боб идет вдоль выстроенных на открытом воздухе столиков, всматриваясь в вывески, вглядываясь в лица жующих и пьющих мужчин и женщин.

Наконец, он замечает сидящего в одиночестве БАСОФФА, молодого человека со славянским лицом и чистыми, как зубной порошок, зубами.

ИНТ. ТЕРРАСА КАФЕШАНТАНА. ВЕЧЕР.

Боб проходит между столиками к молодому человеку.

БОБ

Басов, наконец-то я тебя
разыскал.

БАСОФФ

Роберт? Ты? Какими судьбами?

Боб садится за стол, на котором стоит графин с водкой и
закуска. Берет рюмку Басоффа и выпивает. Наливает снова.

БОБ

Ты уж позволишь, я без
церемоний. Два дня ничего не
ел.

Боб пьет. Берет тарелку с закуской.

БАСОФФ

А я думал, ты в Италии.

БОБ

Был в Италии. Там сейчас не
спокойно. Муссолини пришел к
власти. Теперь они всех
русских подозревают в связях
с большевиками. Пришлось
уехать. Нет, это просто
отлично, что я тебя нашел.
Мне в Триесте один пехотный
поручик сказал, что ты здесь
обретаешься.

БАСОФФ

Да-а, меня тоже помотало.
Чем только не пришлось
заниматься. Не поверишь. В
Софии даже русскую
литературу преподавал.

Боб жадно ест.

Басофф с сожалением смотрит на исчезающую снедь.

БАСОФФ

Как ты сюда добрался?

БОБ

Долгая история.

БАСОФФ

Здесь останешься?

БОБ

Нет. Я теперь в Россию.

БАСОФФ

Куда? В Россию? Ты с ума сошел. Ты что? Там же большевики.

Боб выпивает еще водки, потом достает из кармана трубку, ловко забивает ее табаком и закуривает.

БОБ

Черт с ними. Федор, мне нужны деньги.

БАСОФФ

Тсс! Я теперь Теодор. Теодор Басофф. Швейцарский подданный.

БОБ

Федор, Теодор – это без разницы. Мне нужны деньги. Срочно.

БАСОФФ

Роберт, зачем тебе в Совдепии деньги? Что ты задумал?

Боб молчит.

БАСОФФ

Не хочешь говорить?

БОБ

Сведи меня с кем-нибудь. У меня есть залог. Золотые часы.

Боб достает из саквояжа большую золотую луковицу Брегета.

Басофф рассматривает вещь. Взвешивает ее в руке.

БАСОФФ

Что ты затеваешь? Что за странная идея?

Боб не отвечает.

БАСОФФ

Ну как знаешь. Не хочешь говорить, не говори.

Боб достает из саквояжа брошюру, кладет ее на стол.

БОБ

Черт с тобой! Но держи язык
за зубами. Вот. Я собираюсь
принять участие в экспедиции
профессора Мамочкина.

Басофф разглядывает книжицу с графическим изображением
Кремля и названием: «Тайна библиотеки Ивана Грозного».

БАСОФФ

Италия, я смотрю, тебе на
пользу не пошла.

Боб тянется за книгой.

БАСОФФ

Не спешите, поручик.

Боб выбивает трубку. Раздается сигнал клаксона, который
отвлекает Басоффа от брошюры.

По улице едет тот же автомобиль с тучным господином и
мерцающей диадемой блондинкой.

БАСОФФ

Смотри, смотри. Какая
дамочка! Эх, красота. Зовут
Кэтт. А знаешь, кто это с
ней?

Боб только пожимает плечами, убирает трубку в карман.

БАСОФФ

Это Фредерико Главич.
Местный миллиардер.
Пароходы, плантации в Южной
Америке, банки, страховые
общества. Одним словом,
миллиардер. Миллиардер,
понимаешь? Мил-ли-ар-дер.
Красиво звучит, однако. Ты
не находишь? Мается здесь от
скуки, бедолага. А какая с
ним штучка, а? Его
любовница. Эх, мне бы его
капиталы.

ТОВАРИЩ БОБ

Ты сведешь меня с кем-
нибудь?

БАСОФФ

Ты сумасшедший.

Боб хмурит брови.

БАСОФФ

Хорошо, хорошо. В конце
концов, не вместе ли мы
Перекоп защищали? Дам я тебе
адрес одного ростовщика.
Скажешь, от меня.

Басофф начинает искать по карманам визитные карточки.

Мимо ресторана проходит полицейский патруль.

Боб замирает, краем глаз следит за патрулем.

Служители Фемиды останавливаются, оглядывают посетителей.
Входят на террасу. Один из полицейских остается у выхода,
второй проходит между столиками, вглядываясь в лица
эмигрантов, прогуливающих последние гроши.

БОБ

Мне пора. Спасибо за ужин.

Боб берет саквояж, встает и быстро идет к выходу,
полицейский перегораживает ему путь.

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Ваши документы.

Боб лезет во внутренний карман пиджака, вдруг резко
отталкивает полицейского в сторону, и тот валится на
ближайший столик, разметая посуду по залу. Визжат дамы.

Боб бросается к выходу.

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Стоять!

Боб бьет его саквояжем в живот, откидывает согнувшееся
пополам тело в сторону, но полицейский все же виснет на
нем. Боб пытается скинуть его с себя.

Второй полицейский вскакивает, выхватывает из кобуры
пистолет, но перед ним вдруг вырастает пьяный мужчина с
усами кавалериста.

ПЬЯНЫЙ МУЖЧИНА

Па-а-азвольте! Потрудитесь
извиниться! Я не позволю!

ВТОРОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

С дороги!

Он хочет пройти и грубо отталкивает пьяного, но тот хватает его за грудки.

Один из клиентов бросается их разнимать.

Бобу удается освободиться от хватки первого полицейского. Он бьет его саквояжем по голове и бросается наутек.

А на террасе завязывается потасовка.

Басофф выливает в рюмку остатки водки и выпивает. Перед ним лежит брошюра «Тайна библиотеки Ивана Грозного». Басофф открывает ее.

На первой странице изображение профессора Мамочкина.

ИНТ. БИБЛИОТЕКА. ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ. ДЕНЬ.

Профессор Мамочкин сидит за столом и что-то выписывает из толстого фолианта с пожелтевшими страницами. Перед ним лежат еще несколько старых книг.

ТИТР:

Москва. Март 1924 года

Дверь зала приоткрывается, входит Боб в потрепанном костюме и с осунувшимся лицом. Он ищет глазами Мамочкина. Направляется к нему. Садится напротив.

Профессор не обращает на Боба никакого внимания.

БОБ

Профессор Мамочкин?

Мамочкин отрывается от работы.

МАМОЧКИН

Он самый. Позвольте, с кем имею честь?

БОБ

Меня зовут Боб.

МАМОЧКИН

Странное имя. Впрочем, сейчас детей часто называют странными именами, - время перемен, знаете ли. Меня зовут Павел Петрович. Я слушаю вас, товарищ Боб.

БОБ

Профессор, я хочу принять участие в вашей экспедиции.

МАМОЧКИН

Прекрасно. Помощники мне
нужны.

БОБ

Вы меня берете?

МАМОЧКИН

А почему нет? Конечно.
Работы на всех хватит.

БОБ

Я в полном вашем
распоряжении.

МАМОЧКИН

Тогда можете начинать прямо
сейчас. Впрочем, вы неважно
выглядите.

БОБ

Нет, нет, я готов.

Мамочкин кивает.

МАМОЧКИН

Отлично, вот тут план
подземных ходов Кремля,
набросанный Соболевским.
Скопируйте его. Он не совсем
точен, но все же может
пригодиться.

Мамочкин вынимает из стопки одну из книг, протягивает
Бобу. Улыбается ему и снова принимается за работу.

Боб оглядывает немногочисленную публику, потом фолиант.
Открывает его на старой карте подземных ходов Кремля.

НАТ. ДУБРОВНИК. ДЕНЬ.

Среди цветущих левкоев, в беседке, над которой серебряный
лев держит в лапе земной шар, за накрытым к завтраку
столом в золотом кресле восседает Главич, толстопузый
мужчина шестидесяти пяти лет с одутловатым лицом синюшного
цвета. Он доедает целого петуха, стирает со рта жир
салфеткой и отваливается на спинку кресла. Подскакивает
слуга в белоснежной ливрее, наливает в золоченую чашку
черный кофе. Исчезает вместе с блюдом с остовом птицы.
Главич пьет кофе.

Смотрит на море, где дымит большой трехтрубный пароход.

Достав складную подзорную трубу, Главич смотрит на судно.

На борту выведено название «Фредерико». Потом он направляет свой взор на побережье. Там, у самой воды, в глубоких плетеных креслах дышит морским воздухом сиятельная публика: женщины в длинных платьях под кружевными зонтиками, мужчины в строгих костюмах с сигарами в зубах, одетые в одинаковые матроски дети. Взгляд Главича находит Кэтт, красивую блондинку с большим, играющим на солнце, бриллиантом на лбу. Она неподвижно смотрит на кружащих над морем чаек.

За спиной Главича появляется его СЕКРЕТАРЬ с кипой газет. Тихонько кашляет, чтобы привлечь внимание хозяина.

ГЛАВИЧ

Что нового?

СЕКРЕТАРЬ

Лондонская «Таймс» назвала вас далматинским Морганом.

ГЛАВИЧ

И это все?

СЕКРЕТАРЬ

Еще есть карикатура. Но это социалистическая газетенка. Не стоит обращать внимания. Что с нее взять?

ГЛАВИЧ

Покажи.

Секретарь ловко разворачивает газету перед носом миллиардера.

Карикатура обрисовывает Фредерико Главича с такими изумительными ушами, каких сроду не было даже у самого возмутительного осла. Под ослом помещается подпись: «Фредерико Главич – золотой осел, но не Апулея».

ГЛАВИЧ

И все? Больше ничего?

СЕКРЕТАРЬ

Все.

Главич сплевывает в золоченую чашку и ставит ее на стол. Снова подносит подозрную трубу к глазу.

В этот раз рядом с Кэтт оказывается Басофф. Он что-то возбужденно говорит, размахивая руками.

ГЛАВИЧ

Это еще кто такой?

СЕКРЕТАРЬ

Простите?

Главич отмахивается от секретаря и продолжает вести наблюдение.

Кэтт показывает рукой в сторону беседки, где находится миллиардер. Басофф смотрит в его сторону, потом церемонно берет Кэтт под руку, и они вместе неторопливо направляются к беседке, о чем-то мило беседуя: Басофф увлеченно рассказывает, размахивая руками, а Кэтт заливается смехом.

Миллиардер складывает подзорную трубу.

ГЛАВИЧ

Что еще за новости?

СЕКРЕТАРЬ

Простите?

ГЛАВИЧ

Ты тут еще? Иди, иди. Нет. Постой. Нужно скупить акции этой газеты. Поставишь нашего директора.

СЕКРЕТАРЬ

Редактора.

ГЛАВИЧ

Плевать. Остальных на улицу.

СЕКРЕТАРЬ

Всех?

ГЛАВИЧ

Всех. Иди.

Секретарь быстро уходит, а миллиардер, сделав большое дело, вздыхает. Встает, делает несколько шагов вдоль стола. Вперед, назад. Останавливается, смотрит на морскую гладь. Снова садится.

ГЛАВИЧ

Морган. Подумаешь, Морган.

В беседку входит Кэтт в сопровождении Басоффа. Девушка садится за стол, а молодой человек, сняв шляпу, остается стоять.

КЭТТ

Познакомься, дорогой. Это Теодор Басофф. Он русский профессор литературы из Софийского университета. И что еще? Еще что-то. Я уже позабыла. Он рассказывает удивительные вещи.

Она восхитительно улыбается Басоффу, потом Главичу, потом снова Басоффу.

Он церемонно раскланивается.

БАСОФФ

Позвольте представиться, Басофф Теодор, председатель общества русско-славянской дружбы в Загребе.

Главич оглядывает потертого жизнью Басоффа и сухо кивает.

БАСОФФ

Сударь, мне льстит знакомство с таким великим человеком.

ГЛАВИЧ

Чем обязан?

БАСОФФ

Вижу, что вы человек дела. Вы знаете, как вас называли в лондонской «Таймс»? Далматинский Морган.

Главич морщится и лезет за сигарой.

БАСОФФ

Впрочем, перейду сразу к делу. Вы позволите?

Не дожидаясь разрешения, Басофф садится за стол. Наливает себе кофе.

БАСОФФ

У меня к вам деловое предложение. Сугубо деловое.

Главич смотрит на посетителя, откусывает кончик сигары, сплевывает его.

Огрызок сигары падает под стол, где нога Басоффа поглаживает ножку Кэтт.

ГЛАВИЧ

Что за чушь?

КЭТТ

Послушай его, дорогой. Это так увлекательно.

Главич пожимает плечами и закуривает.

БАСОФФ

Вы, конечно, знаете о сокровищах московского Кремля. Я говорю о тех, которые спрятаны глубоко под землей и о которых уже несколько столетий ходят столько самых невероятных легенд.

Басофф достает из кармана помятую брошюру профессора Мамочкина.

Скучающий Главич переводит взгляд с бойкого собеседника на море.

БАСОФФ

Это последняя работа известного советского археолога профессора Мамочкина. Тут он пишет. Нет. Не то.

Басофф листает брошюру.

БАСОФФ

Так, так. Вот. «Впрочем, по этому вопросу наши ученые еще не сталкивались». Нет. Опять не то.

Снова листает брошюру.

БАСОФФ

А вот. «В наилучшей
сохранности остался
подземный лабиринт в районе
Боровицкой и Водовзводной
башен. Зато в районе дворцов
и кремлевской стены
подземные ходы уничтожены
глубокими фундаментами, а
также подземными тайниками
царей и князей церкви,
нужных им для того, чтобы
прятать свои сокровища, как
это сделал Иван Грозный со
своей библиотекой, и чтобы
иметь удобные пути для
бегства на случай народного
бунта». Вы, понимаете,
библиотека Ивана Грозного.
Она там, она в подземельях
Кремля.

Басофф отпивает кофе, чтобы промочить горло.

Главич со скукой во взоре продолжает смотреть на море.

Нога Басоффа гладит ножку Кэтт, которая отвечает
взаимностью.

КЭТТ

Дорогой, это совершенно
невероятно.

БАСОФФ

Советские газеты пишут, что
этот Мамочкин серьезно
работает над будущей
экспедицией. Что скажите?

По лицу Главича видно, что его уже замучили подобного рода
предложения от подобного рода проходимцев.

БАСОФФ

Вы можете опередить
Мамочкина.

ГЛАВИЧ

Я?

БАСОФФ

Только вы и никто другой.
Еще не поздно.

ГЛАВИЧ

И как вы все это представляете себе? Вы думаете, что большевики позволят мне сделать подкоп под Кремль?

Главич с сомнением смотрит на Басоффа.

БАСОФФ

Не беспокойтесь. Я уже все детально продумал. С вашими возможностями вам не составит труда получить концессию на строительство метрополитена в Москве. Под видом прокладки тоннеля мы спокойно займемся поисками сокровищ. А газеты, представляете, что напишут газеты? «Фредерико Главич получает концессию в Советской России. Проект века!» А когда мы найдем сокровища, вы только подумайте. «Главич – разгадывает историческую тайну!» Вы войдете в мировую историю. Что там Форд или Рокфеллер, что там Морган. Ха, «Таймс». Они в своей «Таймс» всю бумагу съедят от зависти! Но, главное, помимо богатств мы обязательно найдем грамоту Константина Великого о привилегиях папскому престолу перед православными патриархами. Вы повезете ее в Рим, и Папа поцелует вас в затылок. Понимаете, в затылок. Всякий человек стремится увековечить свое имя, хотя бы простейшим способом продолжения потомства. Но этот способ известен каждому рыбаку. Этого ли жаждет ваша просвещенная, уставшая от человеческих удовольствий душа?

Басофф допивает кофе и смотрит на миллиардера. Потом на Кэтт.

Под столом опускает руку на ее колено.

Главич молчит, потом выпускает над столом облако густого сигарного дыма, давая понять, что аудиенция окончена.

Басофф, обменявшись с Кэтт взглядом, встает.

БАСОФФ

Честь имею.

Басофф еще раз бросает взгляд на Кэтт, откланивается и уходит.

ГЛАВИЧ

Каков? Эти его улыбочки.
Бегающие глазки. Мерзавец!
Еще с предложением лезет. С деловым. Знаю я эти деловые предложения. Кэтт, а ведь это он за тобой ухлестывает.

КЭТТ

Что ты, дорогой. Не придумывай.

Кэтт восхитительно улыбается Главичу.

ГЛАВИЧ

Я еще не ослеп.

КЭТТ

Если ты ревнуешь, отправь его поскорее в Россию. Это будет тебе стоить миллиона два, но тогда ты поедешь в Рим и тебя примет Папа. Тогда твое имя войдет в историю культурного человечества. И, наконец, кто знает, где спрятаны эти самые богатства? Может быть, они как раз там и спрятаны?

Кэтт снова восхитительно улыбается Главичу.

ГЛАВИЧ

Иван Грозный. Чушь!

Вновь появляется секретарь.

ГЛАВИЧ

Ты что-нибудь об Иване Грозном знаешь?

СЕКРЕТАРЬ

Был такой русский царь.
Известен своей жестокостью и
библиотекой.

КЭТТ

Видишь, дорогой, этот
русский говорил правду.

Главич хмурится и, похоже, всерьез задумывается над предложением Басоффа.

Кэтт смотрит на него.

Секретарь выжидает некоторое время, потом покашливает, привлекая внимание к себе.

ГЛАВИЧ

Что?

СЕКРЕТАРЬ

Пришел доктор. Я проводил
его в салон.

ГЛАВИЧ

Иду, иду.

Миллиардер вздыхает и поднимается с кресла.

ГЛАВИЧ

Что за жизнь? Быть
миллиардером и умереть от
простого чирья на шее.

НАТ. МОСКВА. БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ. УТРО.

По пустой в этот рассветный час улице, разглядывая номера домов, торопливо идет Боб. Слышно, как где-то неподалеку проходит первый трамвай. Боб останавливается у оранжевого домика, облупленного годами войны и революции и внимательно штудирует надписи на двери: «К сапожнику Суркову - один звонок», «К гражданке Оболенской - два коротких звонка», «К акушерке Сашкиной - два длинных звонка», «К археологу Мамочкину - два звонка длинных и один короткий». Он звонит два раза длинно и один коротко и терпеливо ждет.

Через некоторое время на втором этаже открывается окошко, проклеенное зажелтевшей газетой. Показывается непричесанная голова Мамочкина с бородой, усеянной перьями от подушки.

МАМОЧКИН

А-а, это вы. Я сейчас,
товарищ Боб. Сейчас.

ИНТ. ОРАНЖЕВЫЙ ДОМИК. ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА. УТРО.

По лестнице без перил, визгливо скулящей под ногами, Боб поднимается за Мамочкиным на второй этаж. Они проходят мимо старой ванны и кучи нагроможденного хлама к открытой двери комнаты археолога.

ИНТ. КОМНАТА АРХЕОЛОГА. УТРО.

МАМОЧКИН

Проходите, проходите,
товарищ Боб. Присаживайтесь.
Одну секунду.

БОБ

Павел Петрович.

МАМОЧКИН

Сию минуту.

Мамочкин уходит за ширму. Слышен плеск воды.

Боб садится на сколоченный из двух ящичков диванчик. Встает: ему не сидится на месте. Он делает несколько шагов по помещению. Садится к столу. Вынимает из кармана пиджака газету. Кладет ее на стол. Снова встает. Обходит комнату, рассматривая коллекцию археолога.

Вся правая стена комнаты увешана серыми очень пыльными картонками, на них – обломки кремневых пряслиц, иголок из рыбьих костей, каменных грузил, молотков, топоришков и других принадлежностей первобытного человека. На отдельной картонке висят две монеты с потертыми надписями на латыни «Аристотель»; под ними рукой археолога приписано: «Русские деньги, сделанные Аристотелем Фьораванти».

Боб внимательно всматривается в надписи.

МАМОЧКИН

Итак, я к вашим услугам!

БОБ

Павел Петрович, сожалею, что
разбудил вас.

МАМОЧКИН

Ничего страшного,
присаживайтесь. Я сейчас нам
чай накрою.

Мамочкин ставит на примус чайник.

Боб машинально садится. Встает.

БОБ

Вот. Вы читали вчерашнюю газету?

МАМОЧКИН

Я, дорогой товарищ Боб, по совету моего старинного приятеля, профессора Преображенского, вообще газет не читаю. И вам не советую. А Преображенский, поверьте мне, в этом вопросе большой специалист.

БОБ

Не знаю, но вчерашние новости касаются вашей будущей экспедиции. Почитайте.

Мамочкин берет со стола газету.

Передовица гласит: «Миллиардер получает концессию в СССР!»

Профессор пожимает плечами.

БОБ

Вы дальше, вы дальше читайте.

Мамочкин цепляет на нос пенсне.

МАМОЧКИН

(читает)

«Вчера в Берлине представитель правительства СССР подписал с хорватским миллиардером Фредерико Главичем соглашение на прокладку московского метрополитена и его эксплуатацию в течение тридцати семи лет».

Мамочкин с удивлением смотрит на Боба.

МАМОЧКИН

А при чем тут наша экспедиция?

БОБ

Вы что, не понимаете? Вся просвещенная Европа обсуждает вашу последнюю работу, посвященную тайне библиотеки Ивана Грозного, и в это же время какой-то хорватский миллиардер Главич вдруг решает построить в Москве метрополитен.

МАМОЧКИН

Что тут удивительного? Москва не хуже Парижа или Берлина.

БОБ

Не думаю, что Главича это заботит. Тсс!

За дверью слышится неясный шум.

МАМОЧКИН

Мы можем говорить спокойно. Акушерка Сашкина на родах, а у бывшей княгини Оболенской со вчерашнего вечера флюс.

БОБ

Я считаю, что нужно серьезно отнестись к этому известию.

МАМОЧКИН

Как бы там ни было, помешать решению правительства мы с вами никак не можем.

БОБ

Да, но мы можем спуститься под землю раньше Главича.

МАМОЧКИН

Что вы, это невозможно. Нужно все подготовить. Это серьезная работа. На это уйдет еще, как минимум, два-три месяца.

БОБ

Мы упустим время.

В тот же момент за стеной слышится, как хлопает дверь.

МАМОЧКИН

Идите пить чай.

Боб подходит к окну и из-за шторы смотрит на двор.

Видно, как из дома выходит княгиня ОБОЛЕНСКАЯ, несуразно одетая дама с подвязанной щекой.

БОБ

Как хотите, а мне решительно не нравится эта история. Повторяю, нужно серьезно отнестись к этому внезапному строительству. Это все не случайно. От Фредерико Главича всего можно ожидать.

НАТ. МОСКВА. СУХАРЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ДЕНЬ.

Тут можно купить все: от подтяжек до мотоцикла. Гребенки, пиджаки, дуделки для детей, диваны, зеркальные шкафы, и ужасающее количество сапог. Тут толпятся бывшие полковники в серых, протертых шинелях и светские дамы в бархатных когда-то тальмах. Они торгуют остатками своего добра: чернильницами, ножичками для рыбы и стенным бра-хламом. Тут же по сходной цене предлагают бюстгальтеры, духи, виды Кавказа и мундштуки.

Среди этой толпы находится и гражданка Оболенская с заботливо увязанным флюсом. Рядом с ней ВОВО, картавящий обломок империи в изрядном подпитии.

ОВО

Княгиня.

ОВО

Тише. К чему титулы в этой ужасной стране? Как можно здесь жить?!

ОВО

Пгивыкайте, княгиня.

ОВО

Я уеду. Ей богу, я уеду. Я больше не могу терпеть это свинство.

ОВО

Газеты пишут, в Москве будут прокладывать метгополитен.

ОБОЛЕНСКАЯ

Я уже давно все знаю. Раньше
ваших газет. Что за свинство
читать советские газеты?

ОВО

Так это правда, княгиня?
Через год от Сухагевской
башни на Якиманку можно
будет ехать за гривенник с
таким же комфортом, как в
Европе?

ОБОЛЕНСКАЯ

Как в Европе. Как же! Им тут
и в два века Европу не
догнать. Нет. Тут что-то
другое.

Оболенская делает знак Ово, чтобы тот наклонился,
осматривается по сторонам.

ОБОЛЕНСКАЯ

Под видом прокладки
метрополитена хорватские
монархисты проникнут в
Кремль и захватят власть на
тридцать семь лет.

ОВО

Заговор? Вы увегены?

ОБОЛЕНСКАЯ

Нет сомнений. Нет, я так
больше не могу. Что за
страна? Вы представляете,
что будет? Опять стрельба. Я
так больше не могу. Я должна
уехать. Но как? Как?

ОВО

Как?

ОБОЛЕНСКАЯ

Я женюсь. Я женюсь и уеду.

ОВО

Женюсь?

Ово непонимающим взором оглядывает желтые зубы княгини,
ее основательный нос и флюс, подвязанный старым платком.

ОБОЛЕНСКАЯ

Это просто свинство,
повторяю вам, свинство.
Боже, какая ужасная страна.

НАТ. ДУБРОВНИК. УТРО.

В беседке, над которой серебряный лев держит в лапе земной шар, за столом в золотом кресле восседает Главич, рядом сидит Кэтт, а напротив Басофф с брошюрой Мамочкина в руках.

БАСОФФ

В шестнадцатом веке Иван
Грозный начисто разграбил
три города. Торжок, Новгород
и Псков, а все богатства
зарыл в землю под Кремлем.
Вы только представьте себе!
Не поленился, все зарыл.

ГЛАВИЧ

Все это прекрасно. Ну а как
продвигаются мои дела? Есть
новости из Москвы?

БАСОФФ

Инженеры уже на месте. План
метрополитена наконец-то
утвержден. С внешней стороны
все обстоит совершенно
благонадежно. Официально, по
всем документам, мы
прокладываем метрополитен.
Тут не подкопаешься.

Басофф улыбается сперва миллиардеру, затем Кэтт.

БАСОФФ

Мы будем копать одновременно
в трех пунктах. На Большой
Дмитровке, возле дома Малюты
Скуратова. Это один хороший
знакомый Ивана Грозного, я
вам о нем как-то
рассказывал. Там, где
археолог Мамочкин недавно
обнаружил подземный ход.

ГЛАВИЧ

Мамочкин. Мамочкин. Вы
упоминаете о нем уже во
второй раз. Он нам не
помешает?

БАСОФФ

Не извольте беспокоиться. Я
все улажу.

ГЛАВИЧ

Вот-вот. Вы-то сами, когда
вы собираетесь в Москву?
Пора отрабатывать пятьдесят
тысяч, которые вы попросили
за свои деловые услуги.

БАСОФФ

Нужно еще кое-что
урегулировать и я выезжаю.

Басофф снова улыбается Кэтт.

НАТ. МОСКВА. ДВОР ДОМА НА БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКЕ. ДЕНЬ.

У заброшенного дома КРАНЦ и ШПЕЕР, два немецких инженера в
огромных черепаховых очках, руководят земляными работами.

ТИТР:

Москва. Май 1924 года

Десяток рабочих выкапывают узкий, как кротовый ход,
колодец.

Другие с помощью блоков выволакивают бочки с землей на
поверхность. Оттаскивают их к телегам. Грузят.

Место работ окружено канатами, вдоль которых прохаживаются
милиционеры, отгоняя слишком любопытных граждан, которые
живо обсуждают происходящее: «Что, что делают-то?
Метролитен какой-то, говорят, будет. Что за штука? Отсель
до Сухаревки долетишь, глазом не моргнешь, понял, деревня?
Брешешь. Ей крест. Точно, в газетах пишут. А под землю-то
зачем? По воздуху сподручней вроде? Так то ж наука,
темень».

Среди зевак оказываются археолог Мамочкин и Боб, а также
Литвинюк.

БОБ

Убедились? Неделю назад они
уже копали в Замоскворечье.

Мамочкин с недоумением во взгляде смотрит на снующих
рабочих.

БОБ

Пойдемте.

Боб тянет археолога за рукав, и они вылезают из толпы.

Литвинюк смотрит им вслед.

НАТ. МОСКВА. БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА. ДЕНЬ.

Мамочкин и Боб идут по улице.

БОБ

Нет, Павел Петрович, не метрополитен они приехали сюда прокладывать.

МАМОЧКИН

Не в первый раз, не в первый раз. Точно таким же способом копал Конон Осипов. Наша обязанность сегодня же открыть все властям! Мы не можем допустить расхищения национального имущества!

БОБ

Нет, дорогой Павел Петрович. У них все на законных основаниях и, если сейчас мы заявим в милиции, что немцы проникли в кремлевское подземелье для того, чтобы украсть богатства Ивана Грозного, нас в лучшем случае заставят выспаться в отделении. И еще поинтересуются, где мы с вами достали самогон. А поверят, и того хуже, - могут вообще запретить экспедицию. Вы же знаете.

МАМОЧКИН

Но что же нам делать? Нам нужно что-то предпринять. Нужно что-то делать!

Мамочкин растерянно смотрит на Боба.

БОБ

Павел Петрович, в первую очередь, вы должны мне довериться. Полностью.

ИНТ. КОМНАТА АРХЕОЛОГА. ДЕНЬ.

Боб сидит на диванчике и курит трубку.

Взволнованный археолог Мамочкин ходит по комнате, задевая ноги гостя. Наконец, садится рядом и хватает молодого человека за пуговицу.

МАМОЧКИН

Поймите, этому делу я отдал
всю жизнь. Всю жизнь.

Вскакивает, снова начинает ходить от окна к ширме.

МАМОЧКИН

На свой риск и страх. День и
ночь, день и ночь. Столько
лет. Но в Собакиной башне,
против Исторического музея,
я наконец нашел.

БОБ

Она есть?!

МАМОЧКИН

Должна быть.

Он садится рядом с Бобом. В полутьме комнаты они похожи на
заговорщиков. Потрясенный Боб всматривается в уверенное
лицо старика.

БОБ

Но где же она? Где?

МАМОЧКИН

Место ее пребывания до сих
пор не мог точно указать ни
один человек. Грозный
умертвил всех рабочих,
замуровавших в землю его «в
переплетах из чистого золота
книги». Он понимал, что для
того, чтобы сохранить
библиотеку для грядущих
веков, мало ее засыпать,
надо еще забить глиной самый
коридор, «запаковать»
туннель так, чтобы даже в
подземелье к нему не было
хода. Я почему-то думаю, что
даже сам Аристотель
Фьораванти.

Боб вскакивает с диванчика, подходит к окну, чтобы не
выдать свое волнение.

БОБ

Что вы говорите?

МАМОЧКИН

Я хочу только сказать, что до сих пор неизвестен год смерти Аристотеля Фьораванти, отца Московского Кремля, что неизвестно, где его могила. Может быть, его таинственное исчезновение тоже связано с тайной библиотеки.

БОБ

Я тоже отчего-то убежден, что имя, имя этого итальянского зодчего связано с библиотекой. Найдя ее, мы вскроем и эту тайну.

МАМОЧКИН

Может быть, может быть.

БОБ

Но вы так и не сказали, где же она? Где же, профессор?

МАМОЧКИН

В Собакиной башне, против Исторического музея, я нашел щель, перегороженную белокаменным арсенальным столбом. Я думаю, что это и есть ход дьяка Макарьева.

БОБ

Но в вашей брошюре вы ничего об этом не пишете.

МАМОЧКИН

Пока это всего лишь гипотеза. Наша экспедиция должна будет ее подтвердить или опровергнуть. Я ученый, а не шарлатан.

Боб смотрит в приоткрытое окно.

Видит, как к крыльцу дома подходит Теодор Басофф. Крутится во дворе.

БОБ

(себе под нос)

Басофф?

Басофф смотрит на окна дома.

Боб прячется за занавеску.

БОБ

Павел Петрович, за вашим домом уже следят.

МАМОЧКИН

Как вы сказали?

БОБ

За вашим домом уже следят. Посмотрите сами.

Мамочкин подходит к окну, смотрит на изучающего список жильцов Басоффа.

МАМОЧКИН

Вы думаете?

БОБ

Я знаю точно. Проклятые концессионеры. Мы должны найти библиотеку раньше них. Теперь вы это понимаете? У нас нет времени.

МАМОЧКИН

Я понимаю. Понимаю. При всей трудности напасть на жилу хода именно таким дурацким способом, на их стороне может оказаться слепое счастье. Рано или поздно они дойдут до Собакиной башни.

БОБ

А с их возможностями это может произойти очень скоро.

МАМОЧКИН

Да, да. Вы правы. Будем готовить спуск под землю на ближайшие дни.

Слышно, как за стеной, под самой дверью, осторожно пододвигают стул. Боб прыжком кошки подскакивает к дверям и резким движением открывает их.

За дверью с грохотом падает чья-то фигура с подвязанным флюсом. В полете она валит умывальник; за умывальником перевортывается ванна, ржавые картонки, зонтики, швейная машина и самовар.

БОБ

Вы не ушиблись, княгиня?

Оболенская поднимается с пола.

ОБОЛЕНСКАЯ

О нет! благодарю вас. Я только хотела повесить шторы. В комнату Павла Петровича так дует из передней, так дует. Впрочем, я могу это сделать и завтра.

Боб плотно прикрывает дверь.

БОБ

Она все слышала. Медлить нельзя. У вас готов план спуска?

МАМОЧКИН

Готов.

БОБ

Завтра же ночью мы спустимся под землю.

МАМОЧКИН

Надо будет сообщить товарищу Дротову.

БОБ

Кто это?

МАМОЧКИН

Рабочий с «Динамо» с друзьями. Надежные товарищи.

БОБ

Итак, завтра.

МАМОЧКИН

Завтра.

НАТ. МОСКВА. СУХАРЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ. ДЕНЬ.

С видом туриста Басофф рассказывает по блошиному рынку. Он с любопытством наблюдает картинки московского торжища.

Княгиня Оболенская сбывает с рук фамильное добро. Рядом сильно выпивший Вово.

ОВО

Зизи, Мими, княжна Анна
Львовна, помните, та самая,
что в Благогодном.

ОБОЛЕНСКАЯ

Тише же, тише.

Басофф проходит мимо, присматривается к княгине.

ОБОЛЕНСКАЯ

Майн герр, не обратите ли вы
внимание на этот
великолепный кальян,
вывезенный моим покойным
мужем из Константинополя?

Басофф с любопытством берет в руки мундштук и для чего-то
смотрит в дырочку.

ОБОЛЕНСКАЯ

Мой муж почти не употреблял
его. Я помню, когда мы шли
по Пера в Константинополе.

У Оболенской наворачивается слеза.

БАСОФФ

Я не ошибаюсь, вы – княгиня
Оболенская?

ОБОЛЕНСКАЯ

Я – урожденная Дурново и по
мужу княгиня Оболенская. За
весь этот прибор,
излюбленную вещь покойного
князя, я прошу только меру
картошки.

ОВО

Меггу кагтошки.

Вово меряет Басоффа взглядом.

ОВО

Не скупитесь, ггаф.

БАСОФФ

Княгиня, я могу поговорить с
вами наедине?

Оболенская берет его под руку.

ОБОЛЕНСКАЯ

Пойдемте, граф, картофель в
зеленом ряду.

Они оставляют мямлящего «Зизи, Мими» Вово. Идут по
зеленому ряду, в котором, словно снесшиеся куры, орут
торговцы: «Вот пимадоры! Крымские пимадоры! Агурцы!
Агурцы! Редиску не прикажете?» Оболенская останавливается
у продавца картофеля.

ОБОЛЕНСКАЯ

Отсыпь мне меру, любезный.

Протягивает торговцу подштопанную плетенку.

ОБОЛЕНСКАЯ

(Басоффу)

Я вас уже видела. Вы что-то
искали у дома на Большой
Никитской. Ведь вы
иностранец?

БАСОФФ

Иностранец.

ОБОЛЕНСКАЯ

Вероятно, вы немец? В наше
время так редко приходится
беседовать с настоящими
людьми.

БАСОФФ

Нет, я из Женевы!

ОБОЛЕНСКАЯ

Ах, Женева. Я так живо помню
это очаровательное озеро.
Когда мы с мужем были в
Швейцарии, мы так любили
вечером поехать на лодке. И
этот звон женевских костелов
в хрустальном воздухе.

БАСОФФ

Удивительный звон!

ОБОЛЕНСКАЯ

(продавцу)

Насыпь еще четверку. Нет-
нет, вот из этого мешка.

(Басоффу)

Эти «нувориши» всегда
подсунут самую гниль.

Торговец насыпает меру картошки, и княгиня с расплатившимся Басоффым отходят.

ОБОЛЕНСКАЯ

А вы здесь для строительства метрополитена? Я угадала?

БАСОФФ

Абсолютно точно.

ОБОЛЕНСКАЯ

И еще вас интересует профессор Мамочкин.

БАСОФФ

Я поражен. Но как, княгиня?!

ОБОЛЕНСКАЯ

Тише, тише. Поедьте ко мне. Я думаю, у нас есть, что обсудить. Извозчик!

ИНТ. ОРАНЖЕВЫЙ ДОМИК. ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА. ДЕНЬ.

Оболенская и Басофф с полной плетенкой в руках поднимаются по лестнице. В полумраке Басофф спотыкается о ванну.

ОБОЛЕНСКАЯ

Вы видите, как я живу. Все эти ванны, кошки и дрова способны задушить живую человеческую душу.

БАСОФФ

Я вас вполне понимаю.

Басофф протаскивает картошку в комнату княгини.

ИНТ. КОМНАТА ОБОЛЕНСКОЙ. ДЕНЬ.

Княгиня уходит за ширму.

Басофф с кальяном в руках плюхается на плюшевый диванчик, который трещит под его весом, вскакивает и с осторожностью садится на стул за круглый стол, покрытый скатертью с золотой бахромой. Ставит на него кальян. Потом оглядывает убогую обстановку, которую не спасают ни серебряные подсвечники, ни останки старинной мебели.

БАСОФФ

Княгиня, мне не терпится
выслушать вас. Дело, ради
которого мы приехали сюда,
огромной, почти
непередаваемой простыми
человеческими словами,
важности. Оно может не
только обогатить вас, оно
может. Если только те
сведения, о которых вы мне
говорили по дороге
действительно того стоят. Вы
понимаете?

Оставшись без свидетелей, княгиня преображается. Она
снимает подъеденную молью шляпку, пудрится возле плешивого
зеркальца, подкрашивает губы. Навешивает на себя
драгоценные украшения.

ОБОЛЕНСКАЯ

Они того стоят, уверяю вас.
Я буду вам очень полезна.

БАСОФФ (З.К.)

Но чем, княгиня, чем? Я
прошу вас совершенно точно
указать это. Мы, швейцарцы,
любим точность во всем.

ОБОЛЕНСКАЯ

Прежде всего, я открою вам
план русской экспедиции в
подземную Москву. Я назову
имена ее участников.
Наконец, я совершенно точно
укажу время, когда они
спустятся под землю.

БАСОФФ (З.К.)

А-а! Все это действительно
нам очень нужно, но что вы
хотите за сообщение таких
сведений?

Княгиня Оболенская во всей своей красе выходит из-за
ширмы.

ОБОЛЕНСКАЯ

Прежде всего, чтобы вы на
мне женились.

БАСОФФ

Виноват?

ОБОЛЕНСКАЯ

Вы не ослышались. Прежде всего, я требую, чтобы вы на мне женились.

БАСОФФ

Княгиня! Я нахожу этот каламбур совершенно неудачным. Во-первых, я, так сказать, уже отдал сердце.

ОБОЛЕНСКАЯ

О! Вы меня не поняли. Я не собираюсь посягать ни на ваше сердце, ни даже на руку. Вы женитесь на мне советским браком, чтобы, когда вы поедете за границу, я смогла бы выехать с вами. Там мы разведемся, и я снова стану княгиней Оболенской.

Оболенская садится за стол напротив Басоффа.

БАСОФФ

Но княгиня.

ОБОЛЕНСКАЯ

Это решительное мое условие!

БАСОФФ

Вы меня простите, но мы с вами люди деловые. Кто поручится, что, приехав за границу, вы не потребуете от меня средств к существованию в качестве моей жены? Я хотел сказать, что у вас же нет средств?

ОБОЛЕНСКАЯ

У меня есть средства!

БАСОФФ

Но, княгиня, эта обстановка. Дрова, тухлые кошки, ванна.

ОБОЛЕНСКАЯ

Я вам говорю, у меня есть средства.

БАСОФФ

Княгиня, я хотел бы
доказательств. Простите, я
не смею вам не верить, но мы
с вами люди деловые.

Оболенская встает с видом оскорбленной королевы.

Струхнувший Басофф ерзает на скрипящем стуле.

Вдруг княгиня снимает с себя парик. Под ним обнаруживается
совершенно лысая, блестящая, как молочная бутылка, голова,
оснащенная по бокам бирюзовыми серьгами.

ОБОЛЕНСКАЯ

Вы видите эту шишку?

Оболенская трогает нарост, величиной с голубиное яйцо.
Наклоняет голову к отпрянувшему гостю.

ОБОЛЕНСКАЯ

Прошу вас потрогать и
убедиться. Да не бойтесь!

Но Басофф не решается дотронуться до нароста.

ОБОЛЕНСКАЯ

Здесь вшит наш фамильный
бриллиант в восемнадцать
карат. Операцию сделал
знакомый врач еще в
восемнадцатом году. Теперь
вы верите, что, переехав
границу, я могу не нуждаться
в таком муже как вы.

Княгиня надевает парик и опускается на стул.

БАСОФФ

Я верю!

ОБОЛЕНСКАЯ

Вы согласны на мои условия?

БАСОФФ

Нужно подумать. Сами
понимаете, шаг серьезный.

ОБОЛЕНСКАЯ

К сожалению, у вас не так
много времени.

БАСОФФ

Они скоро спускаются?

ОБОЛЕНСКАЯ

Вы женитесь на мне? Да или нет?

БАСОФФ

Да.

ОБОЛЕНСКАЯ

Мы с вами люди деловые, не правда ли?

БАСОФФ

Деловые.

ОБОЛЕНСКАЯ

Тогда пишите расписку, что я беременна, и вы являетесь отцом моего ребенка!

БАСОФФ

Но княгиня!

ОБОЛЕНСКАЯ

Как хотите. Повторяю, времени у вас совсем нет.

БАСОФФ

Хорошо, ну, конечно, вы беременны, а я... Ей-богу, я не виноват!

ОБОЛЕНСКАЯ

Я вас и не виню. Но мы живем в такое время, когда не веришь даже родному отцу.

Басофф не решается.

ОБОЛЕНСКАЯ

Вам план русской экспедиции нужен? Да или нет?

БАСОФФ

Где эта ваша расписка?

Княгиня встает, из ящика комода вытаскивает шкатулку с бумагами. Вынимает оттуда расписку, кладет ее на столешницу, после чего ставит на примус чайник, достает две чашки с отколотыми ручками и вазочку с вареньем.

Басофф берет расписку. Читает, чешет в затылке, перечитывает, трет подбородок и, наконец, подписывает.

Княгиня разливает заварку.

ОБОЛЕНСКАЯ

Вам покрепче, дорогой
муженек?

НАТ. МОСКВА. БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ. ДЕНЬ.

Басофф выходит из оранжевого дома. Княгиня провожает его.

ОБОЛЕНСКАЯ

Так не забудьте же - они
спускаются завтра вечером. В
девять.

НАТ. МОСКВА. ПОЧТАМТ. ДЕНЬ.

Басофф стоит у окошка с надписью «международные
телеграммы» и заполняет бланк.

«Дубровник. Г-ну Фредерико Главичу. Разведки закончены.
Начинаем копать».

НАТ. МОСКВА. МЯСНИЦКАЯ УЛИЦА. ДЕНЬ.

У входа в почтамт стоит Боб. Увидев выходящего Басоффа, он
бросается к нему, хватая за рукав.

БОБ

Басов!

БАСОФФ

Роберт? Ты? Ты все-таки
добрался?

БОБ

Отойдем. Нам нужно
поговорить.

Боб берет Басоффа под локоть и буквально тащит за собой.

БАСОФФ

Куда ты меня тащишь? Что за
манеры?

БОБ

Пошли, пошли. Не поднимай
шум.

ИНТ. ТРАКТИР. ДЕНЬ.

Боб и Басофф сидят за столом в темном зале с низким
потолком.

За двумя соседними столиками сидят посетители: забежавшие
перекусить управленцы с тучными портфелями под ногами.

Официант приносит штоф водки, селедку, отварную картошку и холодец. Боб жестом приказывает ему удалиться.

БАСОФФ

Зачем ты меня сюда притащил?
Я совсем не хочу русской
кухни. У меня сегодня еще
дела.

БОБ

Знаю я твои дела.
Рассказывай, что ты с этими
немцами тут делаешь?

БАСОФФ

Газеты нужно читать. Я
руковожу строительством
первого на Руси
метрополитена.

БОБ

А первая станция будет у
княгини Оболенской в
квартире.

Басофф молчит и, чтобы занять руки, принимается есть.

БОБ

Я ведь тебя знаю. Ты прочел
ту брошюру Мамочкина, потом
убедил этого миллиардера
Главича, что можно найти
библиотеку Грозного и без
Мамочкина. Интересно, как он
только тебе поверил?
Расскажи, что ты ему такого
наплел?

БАСОФФ

Ты ничего не понимаешь в
людях, Роберт. Ну кто такой
этот Главич? Обычный
разбогатевший хам. Ему
хочется прославиться, чтобы
стать не просто
миллиардером, которых пруд
пруди, а остаться в истории
человечества. Че-ло-ве-чес-
тва. Как звучит, а? И ныне,
и присно, и во веки веков.
Понятно? А тебе-то самому,
зачем библиотека?

БОБ

Не твое дело.

БАСОФФ

Тоже, наверное, в Брокгауза
хочешь влезть?

БОБ

Не твое, говорю, дело.

Басофф возвращается к еде.

БОБ

Не боишься, что я сообщу
властям?

БАСОФФ

Ты-то сам, по каким
документам сюда въехал?

Боб мрачнеет и наливает себе водки.

БАСОФФ

То-то. В конце концов, не
нужно так расстраиваться.
Никогда не поздно сменить
лагерь. Ты, я понимаю,
помогаешь Мамочкину?

Боб выпивает и наливает себе снова. Видно, что разговор
складывается не так, как он задумал.

БАСОФФ

Ну скажи, зачем тебе самому
эта библиотека?

Боб хранит молчание.

БАСОФФ

Не хочешь, не говори. У тебя
свои причины искать
библиотеку, у меня свои.

БОБ

Твои причины... Пачка
ассигнаций?

БАСОФФ

Пусть так. Пусть это не
очень возвышенно, только
зачем из-за этого ссориться?
У каждого свои интересы. Не
лучше ли объединить наши
усилия, а? Ты нам план
Мамочкина, а я тебя Главичу
представлю. У него большие
возможности. Подумай.

Басофф вытирает салфеткой рот, встает и выходит.

ИНТ. ШТАБ КОНЦЕССИОНЕРОВ. ДЕНЬ.

В просторном кабинете Кранц и Шпеер, оба в голубых пижамах, располагаются у прибора, напоминающий волшебный фонарь на подставке фотографического аппарата. Кранц в черной маске поворачивает ручку, следя за стрелкой, прыгающей по зеленым цифрам.

Когда стрелка перескакивает на тридцать, из жерла прибора вырываются маленькие фиолетовые молнии в экран, укрепленный на противоположной стене.

ШПЕЕР

Отлично, дорогой Кранц! Мы
были свидетелями мгновенной
смерти мухи, попавшей на
экран. Это поразительно и
совершенно непонятно. Но что
вы скажете о той вон кошке,
присевшей на противоположной
трубе?

КРАНЦ

Я скажу, что в данном случае
ни кошка, ни даже слон ничем
не отличаются от мухи.

В кабинет вальяжной походкой входит Басофф.

Кранц поворачивает аппарат к окну, резко поворачивает ручку.

Видно, как кошка, подстреленная тупой фиолетовой молнией, соскальзывает с крыши.

Кранц снимает маску.

КРАНЦ

Вот вам лучи Мьютесса на практике, и пока в этой варварской стране знают о них только понаслышке, в наших руках есть преимущество! Что вы думаете обо всем этом, герр Басофф?

БАСОФФ

Господа, то, что я готов сообщить вам, вряд ли вас порадует. У нас есть конкуренты, и, по моим сведениям, они завтра вечером спускаются в подземную Москву.

ШПЕЕР

Завтра? Уже?

КРАНЦ

Кто такие?

БАСОФФ

Археолог Мамочкин и его, если так можно сказать, коллега.

КРАНЦ

Их двое?

Кранц снимает прибор со штатива. Убирает его в сейф.

БАСОФФ

Похоже.

КРАНЦ

Вы твердо в этом убеждены?

БАСОФФ

Так мне сказала княгиня. Впрочем, она сказала также, что Мамочкин упоминал о каких-то рабочих с завода «Динамо». Я еще не знаю их роли.

КРАНЦ

Хотя бы все рабочие с завода «Динамо»! Герр Басофф, вы только что были свидетелем некоторых, отнюдь не фантастических, опытов.

Шпеер наливает себе стакан чаю и кипяток из самовара, стоящего на ломберном столике. Садится на диван.

ШПЕЕР

Вы очень предусмотрительны, Басофф. Мы должны опередить этого Мамочкина. Значит, мы спустимся под землю завтра днем.

КРАНЦ

А вам, герр Басофф, нужно будет задержать русскую экспедицию.

НАТ. ДУБРОВНИК. ДЕНЬ.

У большого особняка, над парадным входом в который развеваются флаги европейских государств, царит оживление. Один за другим к подъезду подкатывают автомобили с важными пассажирами. Суется слуги в ливреях.

ИНТ. ЗАЛ ПРИЕМОВ. ДЕНЬ.

Все пространство так густо засеяно дамскими шляпками всех стран и рас, что кельнеры должны продвигаться меж ними не иначе, как высоко поднимая подносы.

За накрытым к ужину столом сидят Главич и Кэтт с сапфировой диадемой на лбу и в красном, в цвет ее румянца, платье.

Джаз-банд гроыхает барабаном, кастаньетами, автомобильным рожком и битыми тарелками.

ГЛАВИЧ

Кэтт, ты не находишь, что всю эту сволоочь, сидящую и справа от тебя, и даже слева, за пятьдесят долларов можно поставить вверх ногами как пескарей? Если тебе так же скучно, как мне, и если тебя может развеселить подобное зрелище, я готов тебе его доставить. Ты знаешь, Кэтт, сегодня я чувствую себя демократом. Я почувствовал себя демократом еще во время утренней ванны. И, право, мне хочется сделать что-нибудь очень демократическое в этом отеле для отставных принцев.

Миллиардер отирает платком взбухший желваками лоб, пальцем манит кельнера.

ГЛАВИЧ

Прекрати мне этот марш
сифилитиков.

Джаз-банд тут же умолкает как зарезанный.

Публика благожелательно улыбается маленькому капризу миллиардера.

ГЛАВИЧ

Кэтт, моя маленькая крошка,
тебе, должно быть,
необычайно скучно с таким
больным и старым человеком,
как я.

КЭТТ

Что ты, дорогой.

Кэтт переводит взгляд на хлыста, сидящего за соседним столиком.

Главич вынимает сигару, откусывает кончик и выплевывает его в сливочный пломбир. Вокруг шелестит шелковый шепот: «Смотрите: он плюет в пломбир! Вы не видели? Это просто изумительная привычка. Смотрите же! Он плюнул опять!» Главич зевает, едва не разорвав рот.

ГЛАВИЧ

Мне самому с собой скучно.
Вот почему я затеял историю
с подземными богатствами и
книгами московских царей,
которых все равно нам с
тобой не прочитать. Это не
только прихоть, Кэтт, как
может это показаться дураку,
которому не под силу тяжесть
даже одного миллиона!

Кэтт обворожительно улыбается Главичу, после чего снова переводит взгляд на соседа.

Который не спускает с нее глаз.

Главич снова зевает. За спиной появляется его секретарь. Что-то шепчет на ухо. Кладет на стол телеграмму из Москвы. Главич читает, бросает ее на стол.

ГЛАВИЧ

(Кэтт)

Завтра утром мы улетаем в
Москву!

По залу прокатывается шум: «Вы слышали, он отправляется к большевикам. Какая храбрость. Я бы сказал, что это безумие».

Дама в шляпе с перьями вскидывает на Главича лорнет.

ДАМА В ШЛЯПЕ

И вы не боитесь живых
большевиков?

Сосед дамы в шляпе, вскакивает.

СОСЕД ДАМЫ В ШЛЯПЕ

Такая храбрость свойственна
только настоящим
миллиардерам.

Вслед за ним поднимается важный господин с бакенбардами.

ВАЖНЫЙ ГОСПОДИН

Господа и почтенные дамы,
когда миллиардерам
становится скучно, они
уезжают охотиться на львов.
Так делал Рузвельт, так
поступал старый тигр
Клемансо. Ура!

Блестящая толпа встает, поднимает бокалы, аплодирует.
Слышны крики «Ура!»

Главич снисходительно улыбается.

НАТ. МОСКВА. ДВОР ДОМА НА БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКЕ. ДЕНЬ.

Басофф и Кранц, волоча с собою ящик с лопатами и обернутый в черную матерю смертоносный аппарат, подходят к узкому, как кротовый ход, колодцу. Басофф свистит.

Из колодца показывается голова Шпеера.

ШПЕЕР

Я тут! Герр Кранц, это вы?

КРАНЦ

Это мы, герр Шпеер.

ШПЕЕР

Басофф, как там Мамочкин?

БАСОФФ

Он полезет ровно в девять. Я поручил княгине задержать его во что бы то ни стало.

ШПЕЕР

Хорошо. Давайте вашу машину, герр Кранц.

Шпеер принимает аппарат из рук Кранца и по деревянной лестнице спускается в черный рыхлый погреб. За ним следуют Басофф и Кранц. Изнутри они приваливают к проходу сколоченные доски, на которых сверху наклеплена глина. Доски сравниваются с землей и делают место прохода неузнаваемым.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ДЕНЬ).

Концессионеры зажигают электрические фонари, освещая сухой, выложенный кирпичом сводчатый лаз в подземный Кремль.

ШПЕЕР

За мной.

Концессионеры разбирают лопаты, немцы закидывают за спины вещмешки и начинают свой путь под землей.

КРАНЦ

Герр Шпеер, как вы думаете, что сейчас над нами.

ШПЕЕР

Пока ничего примечательно, герр Кранц, но скоро мы дойдем до самого Кремля.

НАТ. МОСКВА. КРЕМЛЬ. ДЕНЬ.

По узкой дорожке прогуливаются комендант Кремля и Литвинюк.

КОМЕНДАНТ КРЕМЛЯ

Я внимательно прочел ваш доклад, товарищ Литвинюк. Меня тоже беспокоит это возня вокруг Кремля. Ведь белоэмигранты не оставляют надежд восстановить монархию.

ЛИТВИНЮК

Может, арестовать всех к чертовой матери?!

КОМЕНДАНТ КРЕМЛЯ

Не стоит торопиться.
Возможно, это отвлекающий
маневр. Не спускайте с них
глаз, товарищ Литвинюк. Обо
всех изменениях докладывайте
напрямую мне.

НАТ. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. ВЕЧЕР.

По брусчатке к Лобному месту идут три мужчины, Дротов, белобрысый СИВОЛОБЧИК и плотный украинец КУХАРЕНКО. Все они в обрезанных шинелях и валяных сапогах, с котомками за спиной, из которых торчат рукоятки кирок, в руках у них лопаты и ломы.

СИВОЛОБЧИК

Скажи ты, Арсений, на
милость. Для чего мы
втесались в эту штуку? Есть
ли что под землей, нет ли -
неизвестно! А если и было -
все порастаскали. А ты -
лезь, да добро бы еще
заставляли, а то по своей
воле.

ДРОТОВ

Верно, Семен, по своей воле.
Многое мы сделали по своей
воле, потому что верили. С
верой все можно сделать.
Попы верой горы двигали. Мы
верой государство двинули.
Ужель подземного Кремля не
отыщем? Ты говоришь, есть ли
что под землей? А я тебе
говорю - есть. Есть, браток!
Вороны из-за границы, зачем
прилетели? Задаром, думаешь?
Подземную конку в Москве
строить! Держи шире! Теперь,
браток, зевать не
приходится. Мы не полезем -
они полезут.

Они подходят к Лобному месту.

Часы на Спасской башне показывают начало девятого.

Дротов с товарищами скидывают мешки, присаживаются на ступеньки.

КУХАРЕНКО

Рано пришли.

ДРОТОВ

Обождем.

КУХАРЕНКО

Пойтить махорки поискать,
што ли? Под землей без
табаку сдохнешь. Схожу,
пошукаю.

Дротов и Сиволобчик некоторое время сидят молча.

СИВОЛОБЧИК

Арсений, мало нас больно.
Как не справимся?

ДРОТОВ

Мамочкин, товарищ Боб да нас
трое. Я думаю, справимся.
Должны справиться. И не
такое осилили.

Возвращается Кухаренко.

КУХАРЕНКО

Нашел полфунта, мабут,
хватит.

Присаживается, скручивает козью ножку и закуривает.

КУХАРЕНКО

Долго ждать, чи шо?

ДРОТОВ

Ничего, обождем. Скоро уж.

ИНТ. КОМНАТА АРХЕОЛОГА. ВЕЧЕР.

Мамочкин в высоких охотничьих сапогах и сером летним
пиджачишке и товарищ Боб нагружают мешки веревочными
лестницами, свечами, спичками, флягами, окороком, хлебом и
котлетами.

МАМОЧКИН

Присядем на дорожку.

Они усаживаются на диванчик.

МАМОЧКИН

Знаете, я слышал, что профессором Стеллецким был обнаружен в Перновском архиве список книг библиотеки Грозного.

БОВ

Пора.

МАМОЧКИН

Да, да. Идемте. Список этот составлен еще Ветерманом. Но вся беда в том, что список оказался затерянным.

Они встают, закидывают за плечи котомки. Мамочкин открывает дверь.

За ней их ожидают княгиня Оболенская, плачущая слезами оскорбленной невинности, Вово, стоящий возле ванны в позе Бонапарта перед сражением, и акушерка САШКИНА, дама почтенная по годам и своему весу.

ОБОЛЕНСКАЯ

Я - женщина больная и нервная и к тому же беременная. Это может подтвердить Анна Петровна и письменное удостоверение.

САШКИНА

Я подтверждаю.

ОВО

Вот видите!

МАМОЧКИН

Позвольте, что вам нужно?

САШКИНА

А ты его за бороду да в милицию. Все они, подлецы, одинаковы: улестить улестят, а добился своего, ищи прогроп своей жизни.

ОВО

Княгиня, вы мне позвольте проучить этого человека, как мы учили в доброе старое время людей, забывающих о поядочности.

Вово вплотную приближается к Мамочкину.

ВОВО

Милостивый госудагъ, хотя по
вашим поступкам вы и не
заслуживаете такого
обращения, вам известно
последнее распоряжение
Моссвета о том, что все
когидогы, убогные и кухни
должны быть свободны для
прохода честных граждан, а
не завалены всякой гухлядью.
Я вас спрашиваю, как
погодочный человек
погодочного человека:
известно вам такое
постановление?

МАМОЧКИН

Нет, неизвестно!

ВОВО

В таком случае потрудитесь в
течение двух часов убрать
все эти ванны, кислые
сундуки с подозрительными
костями ваших пегвобытных
годственников, вот этот
комод и гагдегоб.

БОБ

Товарищи, товарищи, мы потом
все уберем.

ВОВО

Вы убежете эту гухлядь
немедленно!

САШКИНА

А ты кто таков будешь,
гражданин, чтобы в наши дела
влезать? Документ у тебя
какой?

МАМОЧКИ

Но дело в том, что к девяти
часам.

ОБОЛЕНСКАЯ

Никаких девяти часов!

МАМОЧКИН

Но.

ОВО, ОБОЛЕНСКАЯ
Никаких «но»!

МАМОЧКИН
Хорошо, хорошо. Я все уберу.
Товарищ Боб, идите,
предупредите рабочих, чтобы
подождали, не ушли.

БОБ
Мы вас будем ждать.

Схватив мешки, Боб бросается вниз по лестнице.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ВЕЧЕР).

Концессионеры продвигаются по глухому и тесному подземному ходу.

КРАНЦ
Какое же дьявольское
терпение нужно иметь, чтобы
вырыть всю эту систему
подземного города?

ШПЕЕР
Вы взгляните только, герр
Кранц, как прекрасно
выделаны стены! Ведь им
больше четырехсот лет. Те
времена еще не знали
алебаstra; они скреплены
только известью.
Положительно, я в восторге
от нашего предприятия. Здесь
есть многое такое, чем не
прочь заинтересоваться не
только наш уважаемый патрон.
А кстати, герр Басофф, вы
известили господина Главича
о ходе наших работ?

БАСОФФ
Я послал ему шифрованную
телеграмму. Он все поймет.

КРАНЦ
Хорошо, герр Басофф.
Положительно, вы становитесь
европейцем.

Они подходят к большой куче земли, преграждающей им путь.

ШПЕЕР

Стоп!

Они осматривают вероятный обвал. Шпеер вынимает из кармана план, прикладывает к нему компас.

ШПЕЕР

Мне кажется, что здесь,
тотчас за обвалом, ход
продолжается далее или
вливается в какой-нибудь
другой ход. Нам следует
приняться за лопаты.

Шпеер ставит на пол хода фонарь, концессионеры сбрасывают на землю вещмешки и берутся за работу.

ИНТ. ОРАНЖЕВЫЙ ДОМИК. ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА. ВЕЧЕР.

Под пристальным взглядом уже хмельного Вово Мамочкин втаскивает пыльный сундук в свою комнату. Появляется Оболенская с блюдцем, на котором стоит рюмка водки.

ОВО

Княгиня, я тгнут вашим
вниманием.

ОБОЛЕНСКАЯ

(вполголоса)

Как там? Долго ему еще?

ОВО

Честью клянусь, он будет
убигаться столько, сколько
вам потгебуется.

Вово икает и вливает в себя рюмку. Из своей комнаты выходит Мамочкин и берет за очередной обветшалый сундук.

НАТ. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. ВЕЧЕР.

Дротов и товарищи дремлют на ступеньках Лобного места. В тишине площади слышны торопливые шаги.

Подходит Боб с двумя котомками.

ОБ

Дротов, здравствуйте.

ДРОТОВ

Здравствуй, товарищ Боб. А
где профессор?

БОБ

Он задержится. Просил
подождать.

ДРОТОВ

Значится, еще подождем. Ты
садись с нами, товарищ Боб.
Закуривай.

Протягивает ему кисет с махоркой.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ВЕЧЕР).

Концессионеры пробиваются через земляной отвал. Вспотевший
от работы Кранц со злостью бросает лопату.

КРАНЦ

Предлагаю воспользоваться
моим аппаратом. Я думаю, так
дело пойдет быстрее.

Шпеер и Басофф прекращают работу.

ШПЕЕР

Кранц, это не опасно?

КРАНЦ

Я пробью только отверстие, а
потом мы снова возьмемся за
лопаты. Отойдите.

Кранц разворачивает материю и устанавливает на штатив свой
аппарат.

ИНТ. ОРАНЖЕВЫЙ ДОМИК. ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА. ВЕЧЕР.

Пространство перед дверью в комнату Мамочкина почти
освобождено от хлама, остается убрать самое тяжелое:
комод, гардероб и старую ванну, в которой, похрапывая,
спит Вово.

Мамочкин выходит из своей комнаты, видит заснувшего Вово,
осматривается.

Вокруг никого, ни Оболенской, ни Сашкиной.

Мамочкин осторожно закрывает дверь своей комнаты, которая
предательски скрипит, он в испуге оборачивается.

Но Вово лишь вздрагивает и выводит очередную руладу тоном
пониже.

Мамочкин на цыпочках, стараясь не издать ни звука,
начинает спускаться по лестнице, которая, как обычно,
громко скулит под ногами, чересчур громко, чтобы не

привлечь внимание, и он, перескакивая через ступеньки, стремглав бросается вниз.

НАТ. МОСКВА. БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ. ВЕЧЕР.

Мамочкин бежит прочь от оранжевого домика.

ОБОЛЕНСКАЯ, САШКИНА (З.К.)

Вово! Убег! Убег! Вово, да
проснитесь же вы! Держи
подлеца!

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ВЕЧЕР).

Взмыленные от работы концессионеры расчищают в куче черной земли широкий проход.

НАТ. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. ВЕЧЕР.

Часы на Спасской башне показывают половину двенадцатого.

Мамочкин спешит к Лобному месту, где его дожидаются рабочие и Боб.

БОБ

Павел Петрович, мы здесь.

МАМОЧКИН

Добрый вечер, товарищи.
Прошу простить мне это
опоздание.

ДРОТОВ И ДРУГИЕ

Чего уж там.

МАМОЧКИН

Вперед. Идемте. Идемте за
мной. Вход в подземелье - у
Исторического музея.

Они быстро следуют за бодрым профессором к Никольской башне.

Один за другим они спускаются в потаенный лаз.

ИНТ. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД ПОД НИКОЛЬСКОЙ ВАШНЕЙ. (ВЕЧЕР).

Экспедиция, возглавляемая археологом Мамочкиным, продвигается по узкому ходу подземного Кремля. Мамочкин освещает дорогу электрическим фонарем.

За профессором идут Боб, Дротов, Сиволобчик и Кухаренко.

СИВОЛОВЧИК

Вот буржуи. Кто ж это
понастроить удумался?

БОБ

Аристотель Фьораванти.

КУХАРЕНКО

Иностранец?

БОБ

Итальянец из Болоньи. Ему
принадлежит общий план
Кремля и его фундамент,
который он и вывел.

ДРОТОВ

Что ж своими не смогли
обойтись?

БОБ

Фьораванти был великим
зодчим. История насчитывает
немало «падающих
башнеобразных зданий», вы
понимаете: зданий,
скренившихся набок. Их
врачом и выпрямителем и был
Аристотель. Он выпрямил
скренившиеся башни по всей
Италии, он, наконец, стал
перетаскивать колонны и
колокольни с места на место.
За это его прозвали
Архимедом, но никто не знал
математических формул его
чудес. Их в запяном
браслете носил он на левой
руке, и разве только с рукой
можно было снять этот
браслет.

КУХАРЕНКО

Брешь, поди.

МАМОЧКИН

Все точно, товарищ
Кухаренко. Не думал, товарищ
Боб, что вы так хорошо
знакомы с историей Кремля.

Они идут вперед.

Их ноги увязают в черной со щебнем земле.

Через десяток метров Мамочкин останавливается. Влево от главного хода обозначается черная узкого прохода.

СИВОЛОВЧИК

Тухлятиной тянет.

ДРОТОВ

Там должно быть вода.

МАМОЧКИН

Конечно, где-то поблизости должна проходить Неглинка.

БОБ

Куда теперь?

МАМОЧКИН

Пойдем вперед. Я думаю, мы теперь подходим к Собакиной башне. Если мы идем верно, то скоро должны упереться в столб.

Экспедиция отправляется дальше, увлекаемая бесстрашным археологом.

Мамочкин поднимает повыше фонарь.

В свете его, шагах в десяти перед ними, выступает массив арсенального фундамента, преграждающий дальнейший путь. Под сводом быка, сложенного из огромных нетесаных камней, навалена куча щебня.

МАМОЧКИН

Все точно. Сейчас перед нами встает та же задача, что вставала перед всеми исследователями подземелья. Если мы хотим пойти дальше, мы должны будем или обойти столб стороной, или пробиться сквозь него и таким образом снова попасть в ход. Я уверен, что за стеной немедленно начинается его продолжение. Попробуйте, Дротов. Я посвечу.

Дротов берет кирку и могучим ударом втыкает ее в скрепы между глыбами камня, но тот лежит прочно, лишь крошась под напором крепкой руки.

ДРОТОВ

Нет, своими силами не скovyрнуть! Крепко сделано.

МАМОЧКИН

Тогда попытаемся исследовать
боковой лаз.

Экспедиция поворачивает вспять.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (НОЧЬ).

Взмыленные от работы концессионеры наконец расчищают
широкий проход.

ШПЕЕР

Ваша машина просто творит
чудеса, дорогой Кранц.

КРАНЦ

Я всегда говорил, что
будущее за техникой.

Шпеер освещает ход фонарем.

ШПЕЕР

Теперь мы можем пройти.

Инженеры взваливают на себя вещмешки и аппарат, Басофф
собирает лопаты, и они углубляются в проделанный пролаз.

ИНТ. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД ПОД АРСЕНАЛЬНОЙ БАШНЕЙ. (НОЧЬ).

У входа в левый проход стоит экспедиция Мамочкина.
Профессор сверяется с планом подземелья Кремля.

МАМОЧКИН

По всей вероятности, путь к
библиотеке Грозного и его
сокровищам лежит здесь.
Готовы, товарищи?

ДРОТОВ

Чего там. Спробуем.

БОБ

Идем друг за другом. Не
отстаем. Будем
перекрикиваться, чтобы не
потеряться.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (НОЧЬ).

Экспедиция движется по левому боковому ходу. Впереди
археолог, за ним Боб, Дротов и Сиволобчик с кирками, в
арьергарде еле передвигает ноги Кухаренко, который тащит
мешок с инструментами.

МАМОЧКИН

Товарищ Боб.

БОБ

Есть! Дротов.

ДРОТОВ

Есть! Сиволобчик.

СИВОЛОБЧИК

На месте. Кухаренко.

КУХАРЕНКО

Тут я!

У Кухаренко уже слипаются глаза, он недовольно бурчит и зевает.

Мамочкин ведет своих товарищей вперед по узкому темному проходу.

В свете фонаря видно еще одно ответвление, которое уходит вправо.

Мамочкин останавливается. Сверяется с картой.

МАМОЧКИН

Это должно быть проход,
ведущий к Большой Никитской.
Нам прямо.

Экспедиция продолжает движение.

МАМОЧКИН

Товарищ Боб.

БОБ

Есть! Дротов.

ДРОТОВ

Есть! Сиволобчик.

СИВОЛОБЧИК

На месте. Кухаренко.

КУХАРЕНКО

Тут!

Измученный Кухаренко присаживается на выступе. Он снова зевает, пробует выкрутить козью ножку, но клюет носом и забывается сном.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (НОЧЬ).

Концессионеры идут вперед. Спустя некоторое время перед ними открывается ответвление со спуском вниз, как в погреб. Вниз ведут ступеньки, проросшие липковатой плесенью.

ШПЕЕР

Здесь боковой ход.

Концессионеры останавливаются, вглядываются в темноту.

КРАНЦ

Весьма занятное учреждение этот подземный Кремль.

ШПЕЕР

Я не понимаю, однако, для какой надобности московским царям понадобилось зарываться так глубоко в землю? На совершенно возмутительных русских просторах можно спрятать не только библиотеку, но и целое государство. Что вы скажете по этому, Басофф?

БАСОФФ

В Европе предпочитают расти в небо, а в России в землю. Так стоять надежней.

ШПЕЕР

Интересная версия.

КРАНЦ

Так что будем делать, герр Шпеер?

ШПЕЕР

Я думаю, нам следует пойти именно этим малоудобным ходом. Идемте.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (НОЧЬ).

Ничего не подозревая, концессионеры выходят в коридор, по которому уже прошла экспедиция Мамочкина. Идут дальше тем же путем.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (НОЧЬ).

Тем временем экспедиция профессора Мамочкина упирается в стену с низким дверным проемом. Мамочкин сует в него фонарь.

Видно помещение, очертания которого плохо различимы в скудном электрическом свете.

МАМОЧКИН

Вперед!

Согнувшись пополам, археолог пролезает в дверной проем.

ИНТ. КАЗЕМАТ. (НОЧЬ).

Мамочкин вылезает в низкое помещение, освещает его фонарем.

На земле тут и там видны присыпанные прахом белые кости.

Один за другим вылезает Боб, Дротов и Сидоренко.

Мамочкин делает несколько шагов вперед. Кости хрустят под ногой.

Головы откатываются, как бильярдные шары, с легким игривым стуком.

Мамочкин останавливается, наклоняется и поднимает человеческий череп.

МАМОЧКИН

Это каземат, тюрьма.
Смотрите, у этого черепа
искрошены зубы. Должно быть,
он зубами пытался перекусить
цепь.

Боб, Дротов и Сидоренко останавливаются, оглядываются вокруг.

Покрытые густой пылью скелеты людей лежат в страшном, дьявольском порядке. Под самой стеной помещаются черепа; в пустых черных глазницах, кажется, еще темнеют зрачки, под черепами – прямые трости позвоночника, обтянутые ребрами, раскинутые руки и неестественно подогнутые ноги.

Сидоренко хочет перекреститься.

ДРОТОВ

(строго)

Сидоренко!

СИДОРЕНКО

Я что, я ничего. Только
боязно малость. Кто ж это
тут так постарался?

ДРОТОВ

Известно дело кто, Иван
Грозный.

МАМОЧКИН

Да, товарищи, вот вам воочию
один из ценных памятников
русской жизни времен Ивана
Грозного. Будет время, и я
расскажу вам про Грозного
еще не то. Свидетели его
царствования – вот они!
Здесь каждый череп мог бы
рассказать о трагедии своей
жизни только потому, что не
вовремя родился. Да-а, но
вперед, товарищи, вперед.
Наша цель – библиотека.

Мамочкин аккуратно, как цапля, шагает меж костяками.
Остальные следуют его примеру.

Когда свет уходит с кладбища, кости загораются
зеленоватыми фосфоресцирующими огоньками и становятся
видными в плотной темноте подземелья.

ДРОТОВ

А где Кухаренко?

Они останавливаются. Переглядываются.

СИВОЛОБЧИК

Отстал. Разрази его.

БОБ

Мы оставим здесь один фонарь
и пойдем дальше. Он нас
найдет.

МАМОЧКИН

Правильно. Не будем терять
время.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (НОЧЬ).

Не замечая следов экспедиции Мамочкина, концессионеры
следуют тем же коридором. Шпеер освещает путь, Кранц
озонирует ход, за ними плетется Басов с инструментом.
Шпеер вдруг останавливается.

КРАНЦ

Что случилось, герр Шпеер?

Шпеер прикладывает палец к губам.

Они видят Кухаренко, привалившегося головой к камню!

Осторожно ступая, concessionеры подходят ближе. Кухаренко отворачивает лицо от направленного прямо света фонаря, со свистом вздыхает, отмахивая рукой беспокоящий луч, словно муху, но не просыпается.

КРАНЦ

Отличный тип москвитя
двадцатого столетия.
Надеюсь, дорогие друзья, вы
мне позволите попробовать на
этом редком экземпляре
действие моих лучей.

ШПЕЕР

О, конечно, дорогой Кранц!
Но я думаю, прежде нам
следует расспросить его об
этом Мамочкине.

Басофф трогает Кухаренкин нос.

БАСОФФ

Вставай! Вставай, скотина!

Кухаренко выводит носом сложную руладу и продирает глаза.

КУХАРЕНКО

Це що за вшива команда? Яки
таки люде, черта вам в зубы?
Геть!

Инженеры и Басофф слегка отступают.

Кухаренко встает и надвигается на concessionеров.

КУХАРЕНКО

Покажь мандат, трясьця твоей
маме! Куды, куды залезли,
бисовы диты? А ну, покажь
мандат!

В этот же момент Кранц поворачивает ручку чудо прибора.

Из камеры вырывается фиолетовая молния.

Она ударяет в поднятую Кухаренко кирку и зажигает ее. Та, словно сухая трость, вспыхивает ржавым пламенем и выпадает

из его рук. Рабочий раскрывает рот и вдруг падает, пораженный смертоносным лучом.

КРАНЦ

Вот и все.

ШПЕЕР

Итак, это – русские. Они уже прошли. Убитый, по всей вероятности, был одним из участников экспедиции этого Мамочкина.

КРАНЦ

Герр Басофф, вы же сказали, что задержите их.

Басофф стирает с лица пот.

БАСОФФ

Я целиком полагался на эту чертову княгиню.

Концессионеры переглядываются, размышляя над открывшимися обстоятельствами.

КРАНЦ

Я предлагаю остаться здесь. Зачем идти дальше, когда можно подождать возвращения русских здесь. Если они откроют следы библиотеки, то я всегда готов применить мой аппарат. Что скажете, герр Шпеер?

Шпеер направляет фонарь вглубь темного лаза.

ШПЕЕР

Так и поступим. Сказать по правде, я порядком устал.

БАСОФФ

Я тоже считаю, что это отличная идея.

КРАНЦ

Герр Басофф, вы не смогли справиться даже с самым простым заданием, так что теперь оставьте ваше мнение при себе.

Немцы принимаются обустроиваться на постой: достают из вещмешков пледы, завернутые в вощеную бумагу сэндвичи, объемную флягу, разжигают спиртовку.

На Басоффа, который усаживается в стороне, они не обращают никакого внимания.

ИНТ. КАЗЕМАТ. (НОЧЬ).

Мамочкин доходит до дальней стены помещения. Освещает ее.

Свет фонаря ощупывает кладку; в самом низу обнаруживается отверстие похожее на колодец.

МАМОЧКИН

Все точно. Идите сюда.

Мамочкин подходит к отверстию и опускает туда фонарь. Внизу – непроглядная темнота.

МАМОЧКИН

Мы на верном пути. Нам нужно спуститься вниз.

Дротов без раздумий вбивает между камнями лом. Крепит веревочную лестницу.

Сиволобчик высоко поднимает фонарь, озирается.

СИВОЛОБЧИК

Павел Петрович, вы уж меня извините. Я уж, как говорится, сплеча! Оно, конечно, да вы уж не сердитесь. Ей-богу, как говорится. Рабочему человеку, да в подземные Кремли! Я уж лучше пойду, пока не поздно. Счастливо вам.

Сиволобчик разворачивается и быстро уходит.

ДРОТОВ

Эй! Постой!

Сиволобчик даже не оборачивается.

ДРОТОВ

Вот серость, вот она, вся тут, наша несознательность – матушка.

МАМОЧКИН

Ничего, это уж не так плохо.
Совсем не нужно ругаться.
По-своему, он прав! Как я
говорил на лекции, сейчас у
рабочего еще нет времени
заняться своим прошлым, ему
надо строить настоящее.
Держите лестницу, товарищ
Дротов.

Посмотрев вслед Сиволобчику, Дротов спускает конец
лестницы в колодец.

МАМОЧКИН

Я, как руководитель
экспедиции, иду первым.

БОБ

Осторожнее, профессор.

Археолог бесстрашно лезет в темноту. Дротов светит ему
фонарем. Мамочкин пропадает из вида.

БОБ

Профессор, не молчите,
говорите, что вы видите.

МАМОЧКИН (З.К.)

Это колодец, стены выложены
кирпичом. Должно быть, очень
глубокий. Да, точно.
Кажется, лестница уже
заканчивается. Товарищи, я
прыгаю вниз.

Нагрузка на лестницу, которую рукой придерживает Дротов,
вдруг ослабевает. Слышно, как тело археолога Мамочкина
падает куда-то в глухую черную тьму.

БОБ

(кричит)

Павел Петрович! Павел
Петрович! Вы слышите меня?

Боб вслушивается в тишину.

ДРОТОВ

Не слышно ничего.

Дротов молча снимает с себя пиджак. Потом разворачивает
вторую лестницу, к концам ее привязывает веревку, загоняет
лом поглубже в землю.

ДРОТОВ

Товарищ Боб, вам следует вернуть Кухаренко и Сиволобчика. Скажите им, что с Мамочкиным несчастье! Я полезу немедленно. В таком положении его нельзя оставить. Когда вернетесь, вытащим Мамочкина и поднимемся прочь отсюда.

БОБ

Да, я бегу.

Дротов кивает, берет свою котомку, из которой торчит кирка и начинает спускаться в дыру. Когда Дротов исчезает в колодце, Боб берет фонарь, прислушивается к тишине подземелья и уходит прочь.

ИНТ. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД. КОЛОДЕЦ. (НОЧЬ).

Дротов с фонарем в зубах спускается вниз по лестнице, которая крутится под тяжестью его тела. Электрический свет рассеивается бледно желтоватым веером по стенкам колодца.

Дротов смотрит вниз, но там только темнота.

Дротов осторожно спускается дальше. Скоро веревочная лестница заканчивается. Он снова смотрит вниз.

Внизу все также ничего не видно.

Теперь Дротов спускается по веревке. Опять вглядывается в дно колодца.

Там в крошечной темноте он, наконец, замечает маленький огонек фонаря археолога.

Дротов скользит по веревке вниз. Выпускает конец.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (УТРО).

Дротов приземляется на ноги, оглядывается, бросается к лежащему в пыли Мамочкину.

ДРОТОВ

Профессор! Профессор!

Дротов трясет археолога за плечо.

Мамочкин приходит в себя. Садится на землю.

МАМОЧКИН

Да. Да. Это вы, Дротов?

ДРОТОВ

Вы не ушиблись?

Археолог ощупывает себя.

МАМОЧКИН

Нет, нет, кажется, все в порядке. А где остальные?

ДРОТОВ

Товарищ Боб ушел разыскивать Кухаренко и Сиволобчика. Я думал, что вы разбились. Я послал Боба отыскивать их, чтобы на сегодня прекратить.

МАМОЧКИН

Что прекратить?

ДРОТОВ

Поиски.

МАМОЧКИН

Бросьте говорить ерунду. А ну, помогите мне подняться.

С помощью Дротова археолог встает на ноги, ощупывает себя, потом отряхивается. Поднимает с земли горящий фонарь, оглядывает его.

МАМОЧКИН

Никаких «завтра». Мы найдем библиотеку еще сегодня, смею вас уверить. Вперед.

Мамочкин протягивает руку, указывая направление. Идет вглубь пещеры.

Дротов без рассуждений пускается за ним.

МАМОЧКИН

Это пещера времен неолита. На таких пещерах и подземных ходах стоит вся Москва.

ДРОТОВ

Товарищ Мамочкин, я предлагаю вернуться и дождаться товарища Боба, Сиволобчика и Кухаренко. Иначе они нас не найдут.

Мамочкин останавливается. Пытается рассмотреть продолжение пещеры, но свет фонаря слишком слаб.

МАМОЧКИН

Вы правы. Вернемся. Мы
ждемся остальных и
продолжим поиски.

Они возвращаются к месту спуска.

Дротов смотрит вверх.

Конец веревки, свисает сверху, как хвост змеи.

ДРОТОВ

Будем ждать.

Дротов усаживается на землю.

ДРОТОВ

Интересно, сколько сейчас
времени?

МАМОЧКИН

Я думаю, утро уже наступило.

Мамочкин садится рядом, стаскивает со спины котомку.

МАМОЧКИН

Товарищ Дротов, пока
предлагаю вам подкрепиться.

Мамочкин достает завернутые в газету котлеты. Подает их,
как на блюде, Дротову.

Дротов берет котлету, откусывает, с удовольствием жует.

Археолог следует его примеру: берет котлету, вытягивая
губы, чтобы не испачкать бороду и усы, ест ее, чему-то
улыбаясь про себя.

МАМОЧКИН

Вот скажите, а приходилось
ли вам когда-нибудь есть
жареные котлеты сажен этак
пятнадцать под землей?

Мамочкин хитро смотрит на Дротова, который сосредоточенно
пережевывает угощение.

ДРОТОВ

А вот приходилось, товарищ
профессор. Я еще подростком
уголь в шахтах копал. Котлет
у нас тогда не было, но лук,
хлеб и картошка были. Но это
еще при царе было.

Мамочкин кивает, снова протягивает Дротову газету с котлетами. Потом вдруг торопливо лезет в котомку.

МАМОЧКИН

Подождите, здесь и хлеб
должен быть. Держите,
товарищ Дротов, угощайтесь.

Археолог вынимает хлеб, потом флягу. Ставит ее на землю между собой и Дротовым. Улыбается рабочему и принимается за еду.

Дротов ест, посматривая то наверх, где безжизненным хвостом висит веревка, то вглубь темной пещеры.

НАТ. МОСКВА. УТРО.

На рассвете из ворот ходынского аэродрома выезжает извозчичья пролетка с поднятым верхом.

В ней измученный полетом миллиардер Главич в летной каске, торчащей огурцом на его голове, рядом бледная Кэтт укутанная в леопардовые шкуры.

ГЛАВИЧ

(извозчику)

В гостиницу.

Главич откидывается на сиденье и вдруг вскрикивает от боли.

В его спину упирается большой ржавый гвоздь.

ГЛАВИЧ

Азия.

Главич сплевывает на мостовую, после чего закрывает глаза.

НАТ. МОСКВА. БУТЫРСКАЯ ЗАСТАВА. УТРО.

Извозчик подвозит своих пассажиров к гостинице «Савелово», двухэтажному обшарпанному зданию, походящему на трактор.

ИЗВОЗЧИК

Все, приехали.

От гостиницы к клиентам спешит курчавый половой ВАСЬКА.

ВАСЬКА

Милости просим, милости
просим. Отличные номера, с
подачей самоваров. Всего по
три сорок за номер. Совсем
недорого. Милости просим.

Ошалевшие от усталости Главич, Кэтт и их чемоданы с помощью Васьки моментально покидают пролетку.

ИНТ. НОМЕР ГОСТИНИЦЫ. УТРО.

Васька входит первым и бросает чемоданы на облезлый диван. За ним в номере появляются Главич и Кэтт. Изможденный миллиардер присаживается на краешек табуретки, а его любовница валится на скрипучую кровать.

ВАСЬКА

Вторую кровать прикажете?

Главич кивает.

ВАСЬКА

За три дня пожалуйста вперед, у нас правила такая. Потому хозяин работает без кредиту!

ГЛАВИЧ

Сколько?

ВАСЬКА

За номер три сорок. Вторая кровать – рупь. Три сорок да рупь сорок – шесть сорок! Электричество отдельно, самоварчик подадим, чай, сахар – ваши!

Миллиардер вытаскивает из кармана червонец. Васька быстро выхватывает его.

ВАСЬКА

Смею рекомендовать гражданину иностранцу тишину наших семейных номеров. У нас без распития спиртных напитков. И чтобы этого, чтобы с девочками, извиняюсь, даже в природе не существует. А насчет чистоты, сейчас наведем. Извиняюсь. Тут в номере вчера один шаромыжник из Полтавы стоял, ну-с, насорил маленько, дело известное. Без этого, извиняюсь, невозможно. Я сейчас.

Васька выходит.

Миллиардер оглядывается.

На стенах убогого номера висят плакаты-объявления: «Просют матерно не выражаться», «Просют семенков не шелкать», а также программа ансамбля «Русская песень».

ВАСЬКА (З.К.)

Дарья! Дарья! Где ж ты
дрыхнешь, кобыла сивая? В
шашнадцатый из Парижу
приехали. Бежи сюды и
кровать неси.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (УТРО).

Мамочкин и Дротов все также сидят, прислонившись спинами к кирпичной кладке колодца. Мамочкин отправляет в рот последний кусочек хлеба.

Смотрит на закрывшего глаза Дротова.

МАМОЧКИН

Спать нельзя! Не спите,
Дротов!

Мамочкин трясет Дротова за плечо.

ДРОТОВ

Я не сплю, не сплю.

Мамочкин выключает один из фонарей, второй привязывает к концу веревки, чтобы он был виден сверху.

Дротов закрывает глаза.

ДРОТОВ

А хорош, видать, был этот
гусь Иван Грозный?

МАМОЧКИН

Не спите, Дротов!

Мамочкин садится рядом с Дротовым.

ДРОТОВ

Я не сплю, не сплю. Хоть не
место, да на то показывает,
что придется вам, Павел
Петрович, мне о нем
рассказывать. О Грозном
этом. Не то засну!

МАМОЧКИН

О Грозном? Иван Грозный. Кто же он? Вампир, садист? Или великий политик и стратег, презиравший свой народ? Грозный истреблял своих врагов с какой-то ожесточенной планомерностью, десятками, сотнями бросал в тюрьмы. В Москве люди боялись дышать. Отец доносил на сына, сын на мать, и муж доносом обвинял жену в чародействе на государя московского.

Дротов, скрутив козью ножку, прикуривает.

От огня спички его и Мамочкина тени вытягиваются на кирпичах колодца.

МАМОЧКИН

С детства любимым его занятием было давить лошадей народ на площадях да с высоких кремлевских теремов сбрасывать животных. Его глаза загорались огнем жизни только при виде золота. А сокровища свои Грозный собирал всю жизнь.

ДРОТОВ

И где же теперь все эти богатства?

МАМОЧКИН

Личный приятель Грозного англичанин Горсей признавался: «Разделив добычу, Иван Грозный разместил свои сокровища и скарб частью в Москве, частью в безопасных и укрепленных монастырях».

ДРОТОВ

Это где?

МАМОЧКИН

Здесь. Здесь и нигде больше
им запрятана не только часть
богатства, но и самое
главное, самое бесценное его
сокровище – библиотека.

Внезапно между Дротовым и Мамочкиным падает, вылетев из
колодца, Боб.

Дротов и Мамочкин вскакивают на ноги.

МАМОЧКИН

Что? Что случилось? Товарищ
Боб?! Вы?! Вы целы?

Дротов протягивает Бобу флягу.

Боб поднимается, жадно пьет. Переводит дух. С тревогой
смотрит на Мамочкина и Дротова. Снова пьет.

МАМОЧКИН

Что с вами?

БОБ

Мы открыты. Иностранцы
стерегут выход. Два наших
товарища уже погибли. Я
видел их тела. Вот.

Боб протягивает Мамочкину бумажку.

МАМОЧКИН

(читает по-немецки)

«Вы сегодня счастливее нас.
Но до скорого свидания».

(переводит)

«Вы сегодня счастливее нас.
Но до скорого свидания».

Дротов и Мамочкин переглядываются, смотрят на Боба.

БОБ

Я видел этих иностранцев.
Они нас ждут у развилки.

МАМОЧКИН

Что будем делать, товарищи?

БОБ

Возвращаться опасно.

ДРОТОВ

Сколько их?

БОБ

Трое.

ДРОТОВ

Вооружены?

БОБ

Не знаю. Темно было. Но друзей ваших будто пожгли. Как молнией. У них какой-то ящик, похож на фотографический аппарат. Из него луч вылетает.

Некоторое время Мамочкин и его друзья раздумывают.

ДРОТОВ

Или пробиваться назад, или искать другой выход. Павел Петрович, что скажите?

Мамочкин смотрит вглубь темной пещеры.

Боб и Дротов переглядываются, ждут решения профессора.

МАМОЧКИН

Если мои догадки верны, то эта пещера должна вывести нас к Водовзводной башне, а там одно время делались раскопки и выход есть.

БОБ

Вы уверены?

МАМОЧКИН

Повторюсь, это только догадки.

ДРОТОВ

Я предлагаю идти вперед.

БОБ

А если мы заблудимся?

ДРОТОВ

Ну, товарищ Боб, дорога-то назад всем известна.

МАМОЧКИН

Правильно, товарищ Дротов. Отступить теперь бессмысленно.

Они собирают вещи. Мамочкин снимает с веревки фонарь.

МАМОЧКИН

Вперед, товарищи!

Экспедиция уходит вглубь пещеры.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (УТРО).

В свете электрических фонарей сидят концессионеры. Немцы перекусывают сэндвичами с подогретым на спиртовке кофе.

Басофф сидит в стороне.

ШПЕЕР

А мы отлично расположились здесь. Вы нашли прекрасную идею, дорогой герр Кранц. Что может быть легче, чем ждать Мамочкина здесь?!

КРАНЦ

Конечно. Все это, прежде всего, утомительно! Проблуждать целую ночь в дурно пахнущих сырых подвалах, без каких-либо реальных результатов!

ШПЕЕР

К тому же вы убили двух русских. И еще неизвестно ради чего.

КРАНЦ

Мне совершенно безразлично, дорогой Шпеер, что мы с вами ищем в этой дыре! Пусть это будут богатства всех московских царей или только бульжники московской мостовой. Все равно. Я получил задание, мне за это хорошо заплатят, остальное меня решительно не касается. Если при исполнении моей задачи на пути оказались некоторые препятствия, будь это обвал, который мы с вами устранили, или живой человек, которого устранила моя машинка, мне, даю вам слово честного человека, это совершенно безразлично.

Доев свой сэндвич, Кранц достает сигару.

КРАНЦ

Хотите сигару, дорогой романтик? Нет? Напрасно! Хорошая сигара освежает мысли.

Кранц закуривает.

КРАНЦ

И, наконец, разберемся в вопросах: кого ликвидировала моя машинка? Один с усами, другой даже без усов. Но ведь их так же много, как китайцев или негров. А что вы скажете по этому поводу, дорогой герр Басофф?

Басофф отворачивается.

КРАНЦ

Впрочем, вы, кажется, швейцарец? А нам, дорогой швейцарец, в данную минуту нужно беречь время. Я предлагаю установить дежурство: один дежурит, другие спят. Рано или поздно русские должны отсюда вылезти.

Кранц зевает.

БАСОФФ

Я могу дежурить первым.

ШПЕЕР

Положительно, Басофф, вы все еще можете стать настоящим европейцем.

Немцы аккуратно снимают пиджаки, выворачивают их наизнанку, складывают в виде подушек и, постелив на них чистенькие почти несмятые белые платочки с голубенькой каймой, укладываются отдохнуть.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (УТРО).

Мамочкин, Боб и Дротов идут вперед.

В свете фонарей видно: по правому боку пещеры протекает поток воды, берег болотист, но вода прозрачна и очень чиста, мечутся перепуганные яркими лучами стайки рыб.

МАМОЧКИН

Это подземное течение
Неглинки. Под Кузнецким
мостом и под Тверской ее
удалось вогнать в трубы. Но
местами она течет под землей
свободно. Нам, во всяком
случае, нужно держаться
подальше от берега.

Мамочкин проходит дальше.
Боб и Дротов следуют за профессором.

ИНТ. НОМЕР ГОСТИНИЦЫ. ДЕНЬ.

Главич сидит за столом и пьет чай с блюдечка.

За ширмой на кровати дремлет Кэтт, укутанная в шкуры леопарда.

Васька торчит в дверях, у него в руках батон копченой колбасы.

ВАСЬКА

Гражданин иностранец
колбаски не желает?

Главич дует на горячий чай. С шумом втягивает его в себя.

Васька плжует на батон и обтирает его рукавом.

ВАСЬКА

Вы не сумлевайтесь, колбаска
первеющий сорт-с!

Главич отставляет блюдце.

ГЛАВИЧ

Ну милый человек! А теперь
беги за автомобилем.

ВАСЬКА

Это каким же-с?

Миллиардер сперва выражает удивление, а потом жестами пытается объяснить половому внешний вид автомобилю.

ВАСЬКА

Ага. Сей момент.

Васька выбегает из номера.

Главич неспешно надевает пальто, берет трость.

ВАСЬКА (З.К.)

Дарья! Дарья, теста
калужская. Лети к Страстному
за автомобилем! Лети,
пропащая твоя душа!

Кэтт выходит из-за ширмы, кутаясь в леопардовую шкуру,
присаживается на табурет перед зеркалом.

КЭТТ

Дорогой, ты надолго?

ГЛАВИЧ

Два-три часа, и я снова
твой. Сегодня вечером мы с
тобой пойдем в Большой.

КЭТТ

Нет. Нет, нет, нет, нет. Ни
в большой, ни в огромный, ни
в самый гигантский. Я никуда
не хочу. Я здесь больше не
хочу оставаться ни секунды.
Не хочу, не хочу, не хочу.
Это невыносимо.

ГЛАВИЧ

Хорошо, я позвоню на
аэродром, и мы сегодня же
вечером вылетим в Берлин.

КЭТТ

Я люблю тебя.

ГЛАВИЧ

Васька!

Дверь тут же открывается.

ВАСЬКА

Слушаю-с.

ГЛАВИЧ

Соедини меня с аэродромом!

ВАСЬКА

С кем?

ГЛАВИЧ

Ладно, не нужно. Автомобиль
приехал?

БАСЬКА

Нет-с. Автомобилей нету-с.
Извозчика не изволите?

Вздыхнув от безвыходности, Главич выходит.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (УТРО).

Мамочкин делает несколько шагов, опускается на колени,
словно вынюхивает тьму, встает.

МАМОЧКИН

Вперед!

Экспедиция продолжает поиски выхода. Археолог снова
опускается на колени. Идущие сзади Дротов и товарищ Боб
останавливаются.

МАМОЧКИН

Вперед!

Они продолжают движение.

Своды пещеры огромны. По правому ее боку, при фонарях,
обнаруживаются сосульки, свисающие правильными
сталактитами. Свет преломляется в них, как в призмах.
Похоже, что путники оказались в большом забытом дворце.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (УТРО).

Немцы спят.

Басофф тоже начинает склонять голову на плечо и закрывает
глаза.

В кромешной темноте вдруг мелькает фиолетовый луч.

Басофф вздрагивает, открывает глаза, оглядывается.

Смотрит на похрапывающих немцев, на их аппарат.

Басофф поднимает с земли окурок сигары. Закуривает. С
ненавистью смотрит на спящих иностранцев.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (ДЕНЬ).

Экспедиция Мамочкина продолжает свой путь: сам профессор
ползет вперед на коленях, потом машет рукой, чтобы Боб и
Дротов двигались за ним.
Так доползают они до края пещеры.

Тут навалены камни, перегораживающие проход. На самом большом из камней при свете фонариков выступают темные пятна вмурованного металла.

Археолог оттирает пыль и видит монеты.

На них отчетливо проступает надпись: «Аристотелес».

Мамочкин отколупывает одну из них.

МАМОЧКИН

Это деньги Аристотелеса
Фьораванти.

Боб трясущимися руками выковыривает из камня браслет.

На браслете выгравированы цветы, год 1475 и далее целый ряд странных чисел и знаков. На золоте они проступают, как чернь, отчетливо и ярко.

МАМОЧКИН

Аристотелес Фьораванти,
создатель Кремля. Конечно.
Конечно! Должно быть, это
осталось от него.

БОБ

Почему вы так думаете?

ДРОТОВ

Здесь в стене еще клинок!
Вот, глядите!

Дротов вытаскивает из расщелины шпагу. Протягивает ее Мамочкину.

Мамочкин оттирает оружие рукавом.

На эфесе шпаги горят камни, а на клинке что-то нацарапано.

Мамочкин близоруко вглядывается в надписи на шпаге.

БОБ

Что, что там написано?

МАМОЧКИН

Сейчас точно сложно сказать,
но, судя по всему, это
оружие, начала шестнадцатого
века. Венецианская работа. Я
думаю, эти предметы имеют
отношение к Аристотелесу
Фьораванти.

Мамочкин еще раз рассматривает венецианскую шпагу.

Боб вглядывается в цифры на браслете.

МАМОЧКИН

Что же, товарищи, одну тайну
Кремля мы с вами, вероятно,
уже разгадали. Теперь
вперед. Нужно найти выход.

Мамочкин забирает браслет у Боба.

БОБ

Что? Это - мое, и по праву
находки, и по праву.

МАМОЧКИН

Как все, что мы здесь
обнаружим, этот браслет
принадлежит Советскому
государству, и я его должен
сдать в Исторический музей.
Вместе со шпагой, монетами и
образцами костей. И вообще
всем, что мы, вероятно,
здесь найдем еще.

БОБ

Товарищ профессор.

МАМОЧКИН

Товарищ Боб, мы не
кладоискатели, а ученые. И
все находки принадлежат
Советскому государству
рабочих и крестьян.

ДРОТОВ

Правильно, товарищ Мамочкин.

БОБ

Павел Петрович, отдайте мне
браслет.

МАМОЧКИН

Повторяю, браслет и все
находки мы передадим в
музей.

Боб выхватывает револьвер.

На профессора это впечатления не производит.

ДРОТОВ

Товарищ Боб, не шути. Убери
револьвер.

Дротов поднимает кирку.

БОБ

Не двигайтесь. Отдайте мне
браслет, Павел Петрович.
Отдайте по-хорошему.

ДРОТОВ

Куда ты один пойдешь?

Дротов хочет сделать шаг.

Боб наводит на него револьвер.

БОБ

Ни с места. Буду стрелять.

Но Дротова останавливает только предупредительный выстрел.
Сверху сыплются осколки камней.

МАМОЧКИН

Подождите, Дротов.

Мамочкин внимательно вглядывается в лицо Боба.

МАМОЧКИН

Зачем вам браслет?

БОБ

Мое настоящее имя – Роберто
Форонди. По крови я
итальянец, но все мои предки
жили в Казани, где, если вы
помните, Иван Грозный убил
последнего Фьораванти, внука
строителя. В революцию я
уехал в Болонью, там я
раскопал историю своей
родословной и вот. Теперь я
здесь. Павел Петрович, я
имею некоторые основания
полагать, что моя фамилия
была искажена временем и что
настоящая моя фамилия.

Дротов присвистывает.

МАМОЧКИН

Вот оно что!

БОБ

Да.

МАМОЧКИН

Но почему браслет?

БОБ

Браслет содержит тайну
Аристотелеса. Теперь я тоже
смогу ей обладать.

ДРОТОВ

Говорят тебе, это народное
добро.

Дротов снова делает решительный шаг вперед.

БОБ

Стой!

МАМОЧКИН

Подождите, Дротов. Так что
же вы собираетесь совершить
с этой тайной, уважаемый
потомок Фьораванти?

БОБ

Вы, конечно, знаете
старинный храм императора
Адриана в Риме!

МАМОЧКИН

Знаю. Как не знать?! Теперь
в нем, кажется, помещается
биржа.

БОБ

Верно. Одиннадцать колонн
поддерживают этот храм. И
вот четыре из них
пошатнулись. Теперь же,
когда я владею чудесным
секретом, я смог бы, как мой
предок, выпрямить колонны
или переташить их в другое
место вместе с храмом.

МАМОЧКИН

А зачем? Я предпочел бы,
чтобы они рухнули вместе с
биржей. Нет, мой дорогой
потомок Аристотеля! Браслет
я вам все-таки не отдам.

БОБ

Тогда мне придется вас
убить.

ДРОТОВ

Не шути! Один отсюда не
выберешься.

Боб направляет револьвер на профессора.

МАМОЧКИН

Если вы так жаждете славы,
то, смею вас уверить, это
находка прославит не только
меня, но и вас, и товарища
Дротова тоже. И запомните,
ваш предок Аристотелес
Фьораванти был великим
зодчим потому, что все тайны
были в его гениальной
голове, а не в этой золотой
побрякушке.

Мамочкин щурится, рассматривая браслет, и, словно нет
никакой угрозы, кладет его в карман своего пиджака.

МАМОЧКИН

Уберите револьвер, и забудем
об этом.

Боб смотрит на решительного Дротова с поднятой киркой, на
совершенно спокойного и уверенного в себе Мамочкина,
который теперь протягивает руку к револьверу.

МАМОЧКИН

Выйти отсюда в одиночку вам
все равно не удастся.
Отдайте револьвер.

Также как он забрал браслет, профессор Мамочкин забирает у
Боба и револьвер.

МАМОЧКИН

Держите, товарищ Дротов, я с
оружием не привык.

Дротов уверенно берет из рук профессора револьвер и шпагу.

ДРОТОВ

Ну ты и гусь, товарищ Боб!

МАМОЧКИН

Не стоит ругаться, товарищ
Дротов. Нам сейчас нужно
держаться вместе.

ДРОТОВ

Говорите, что делать дальше,
товарищ Мамочкин.

МАМОЧКИН

Думаю, что мы с вами на
верном пути, наши находки
это доказывают. Теперь нужно
найти выход отсюда.
Постараемся разобрать камни,
за ними ход продолжится.

Дротов кивает, укладывает находки экспедиции в мешок.

Боб стоит недвижим.

МАМОЧКИН

Не переживайте. У нас самих
есть, что выпрямить. Если вы
сумеете разобраться в тайне
своего великого предка,
поезжайте в Самарканд. Там
накренился минарет большой
мечети, которую собираются
отвести под школу. Биржа или
школа, мой друг, тут нечего
выбирать!

Мамочкин подходит к груде камней и принимается за работу. Один за другим он откидывает камни в сторону. Дротов следует его примеру. Наконец, Боб также присоединяется к расчистке завала.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (УТРО).

Немцы спят.

Басофф продолжает дежурство. Прислушивается к дыханию инженеров.

Басофф неслышно приподнимается, делает несколько шагов по коридору. Прислушивается к сопению инженеров. Идет дальше. Останавливается, возвращается назад.

Кранц всхрапывает.

Шпеер что-то бормочет во сне.

Басофф берет в охапку смертоносный аппарат.

Кранц опять всхрапывает.

Басофф застывает в ужасе.

Кранц переворачивается на другой бок.

Басофф на цыпочках уходит прочь.

ШПЕЕР (З.К.)

Герр Басофф, вы куда
собрались? Кранц, Кранц
проснитесь. Проснитесь!

Басофф наставляет на инженеров аппарат.

КРАНЦ

Басофф! Стойте! Не надо! Не
надо!

Басофф крутит ручку.

Немцы прячутся за выступами, но луча нет.

Басофф продолжает накручивать ручку.

Немцы слышат жужжание машинки и вжимаются в стены.

Басофф работает во всю и заканчивает тем, что ручка от
аппарата остается у него в руках.

БАСОФФ

ТЬФУ, немчура!

Басофф хватает аппарат и изо всех сил бросает его в
сторону иностранцев.

Немцы выглядывают из-за укрытия.

Видят, как улепетывает по коридору Басофф.

Кранц бросается к своей разбитой машинке.

КРАНЦ

Варвар! Русский варвар! Что
он сделал?! Что он сделал?!
Это единственный экземпляр!

Басофф бежит. Озирается. Бежит дальше.

ШПЕЕР

Не время, герр Кранц, думать
о технике. Нужно его
догнать.

Шпеер бросается за беглецом.

Безутешный Кранц собирает раскиданные детали аппарата.

ШПЕЕР

Скорее, Кранц, скорее.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ДЕНЬ).

Пробежав с десятков метров, Басофф оказывается у лестницы, по которой concessionеры спустились под землю. Он лезет вверх, в дыру, которая ведет из подземного хода. Озирается.

Немцы бегут за ним. У Кранца выпадает какая-то железяка, он останавливается. Подбирает с земли отвалившиеся детали. Снова что-то роняет.

ШПЕЕР

Вы нас погубите. Оставьте ее. Оставьте, Кранц. Да скорее же!

Басофф молниеносно достигает последних ступенек лестницы, с превеликим трудом отваливает сколоченные доски, закрывающие колодец. В отверстие бьет резкий солнечный свет.

НАТ. МОСКВА. ДВОР ДОМА НА БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКЕ. ДЕНЬ.

Басофф вылезает из кротовой дыры колодца. Щурится, оглядывая двор, быстро приваливает назад дощатую крышку, наваливает на нее сверху одно бревно, подтаскивает второе. Закончив дело, Басофф еще раз оглядывает двор, стряхивает с коленок землю и свистит извозчику. Прыгает в проезжающую пролетку и уносится прочь.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ДЕНЬ).

Шпеер первым подлетает к лестнице, быстро взбирается вверх, толкает крышку колодца, но безуспешно.

Подбегает Кранц с грудой деталей в руках.

ШПЕЕР

Кранц, он нас завалил!

Из рук Кранца высыпаются останки его аппарата.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (ДЕНЬ).

Мамочкин, Дротов и Боб продолжают разгребать завал. Дротов натывается на выложенную кирпичом стену.

ДРОТОВ

Тут стена.

БОБ

Опять?

Боб садится на сваленные в стороне камни.

МАМОЧКИН

Стена? Не может быть.

Мамочкин освещает фонарем кладку.

В блеклом белом свете виден красный кирпич.

МАМОЧКИН

(себе под нос)

Действительно стена. Стало
быть, мы обошли Арсенальный
столб. Мы где-то рядом.

ДРОТОВ

Что будем делать?

БОБ

Надо возвращаться назад.

МАМОЧКИН

Подождите!

Мамочкин пристально оглядывает открытый участок стены и с
краю замечает пятно – забитое кирпичом светлого цвета
маленькое окно.

МАМОЧКИН

Дротов, попробуйте пробить
там отверстие. Видите, вон
там.

ДРОТОВ

Спробуем.

Дротов берет кирку, подходит ближе, делает несколько
взмахов.

Кирпич крошится.

Дротов бьет киркой еще несколько раз, пока ее железная
полоса не соприкасается с чем-то железным, выбивая яркие в
темноте подземелья искры.

МАМОЧКИН

Это окно.

Мамочкин забирается по камням к зарешеченному окошку, просовывает в него руку с фонарем.

Ему открывается каменный мешок, частично засыпанный обвалом потолка, в котором почти до потолка наставлены, один на другой, большие окованные сундуки. Один сундук разбит, его содержимое лежит в вековой пыли. Это толстые книги.

МАМОЧКИН

Вот она! Это то самое окно,
которое разыскал дьяк
Макарьев, посланный царевной
Софьей на поиски библиотеки
Ивана Грозного. Это то самое
окно. А там. Там сама
библиотека. Вот она! Мы все
же нашли ее. Мы нашли ее. Мы
нашли!

Мамочкин оборачивается к своим спутникам.

МАМОЧКИН

Товарищи, я поздравляю вас!
Мы нашли библиотеку Ивана
Грозного. Я поздравляю вас!

В порыве радости Мамочкин обнимает Дротова, потом хочет обнять и Боба.

БОБ

Скажите лучше, как нам
отсюда выбираться?

МАМОЧКИН

Вы правы, товарищ Боб, мало
найти, мы должны сообщить о
нашей находке людям. Да, да,
надо идти.

БОБ

Куда идти, профессор?

Не отвечая, Мамочкин возвращается к стене, ощупывает ее.

ДРОТОВ

Сами не осилим, Павел
Петрович. Я предлагаю
вернуться назад. Теперь у
нас есть оружие. Теперь нас
голыми руками не возьмешь.

БОБ

В конце концов, мы можем с ними договориться.

МАМОЧКИН

Да, пойдете. Нужно скорей сообщить людям о нашей находке. Идемте скорей.

Боб встает и идет прочь от завала, за ним следует Дротов, последним уходит Мамочкин, с сожалением оглядываясь на темнеющее в кирпичной кладке окошко.

ИНТ. ШТАБ КОНЦЕССИОНЕРОВ. ДЕНЬ.

Влетает Басофф. Как вкопанный останавливается на пороге.

В кабинете за столом сидит Фредерико Главич.

БАСОФФ

Вы? Как? Вы здесь?

ГЛАВИЧ

Сегодня утром прилетел., чтобы посмотреть на вас. Ну как московский метрополитен? Как раскопки?

БАСОФФ

Вы не поверите! Это такой кошмар, вы даже представить себе не можете. Если бы не хорошее вознаграждение, которое вы мне обещали, дорогой патрон, я ни за что не согласился бы претерпеть подобные ужасы. Я едва остался жив! Все остальные члены экспедиции погибли.

ГЛАВИЧ

Погибли? Как?

БАСОФФ

Все как один.

ГЛАВИЧ

Что произошло?

БАСОФФ

Вчера вечером мы, я и эти
два безумных немца,
бесстрашно спустились под
землю. Целую ночь мы
крутились по кремлевским
подземельям. Всю ночь
напролет, вы представляете?
И только мы напали на след
русской экспедиции, как
вдруг внезапный обвал. И
все. Кранц и Шпеер погибли.

Главич с недоверием смотрит на Басоффа.

БАСОФФ

(крестится)

Оба. Все как один. Клянусь
вам. Все так и было.

ГЛАВИЧ

Скверно, очень скверно,
Басофф. Я должен срочно
побывать у германского
посла.

Главич встает, выходит из-за стола и идет к двери.

БАСОФФ

А как же теперь мои деньги?

ГЛАВИЧ

Деньги? А-а, деньги. Кстати,
а скажите, дорогой Басофф,
как вы намерены поступить с
вашей невестой?

БАСОФФ

С какой невестой?

ГЛАВИЧ

Княгиня Обло. Обле. Словом,
она была здесь минут за пять
до вашего прихода.
Жаловалась, что вы. Словом,
я прочел вашу расписку о
том, что вы признаете себя
отцом ее будущего ребенка и
обязуетесь на ней жениться.
Бедная женщина очень
убивалась. Я дал ей слово,
что вы получите ваш гонорар
только после свадьбы на
этой. Этой. Олбен. Облен.

БАСОФФ

Это недоразумение. Это все для вас. Для дела. Я выведал у нее время русской экспедиции. Пришлось пообещать ей.

ГЛАВИЧ

Я очень рад, что вы связали себя с такой благородной семьей. Теодор Оболенский. Неплохо звучит, а?

Уже в дверях, Главич еще раз оборачивается к присевшему на диван Басоффу.

ГЛАВИЧ

Вечером я буду дома, в «Гранд-Отеле Савьелово»! Туда же я назначил прийти этой бедной женщине. Будем вас ждать. Под старость хоть на русской свадьбе погуляю. Икра, блины, расстегай. До свидания, мой опрометчивый друг.

Главич выходит из кабинета, тяжело опираясь на палку.

Басофф смотрит ему вслед с плохо скрываемой ненавистью. Когда дверь за миллиардером закрывается, он вскакивает. Бросается к телефону.

БАСОФФ

Девушка, соедините меня с «Гранд-Отелем Савелово»?
Что? Как нет? Совсем?

Басофф кладет трубку. Чешет в затылке, мнет подбородок. Решительным шагом выходит из кабинета.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (ДЕНЬ)

Уставшие Мамочкин, Дротов и Боб подходят к колодцу, через который они попали в пещеру. Сверху все также свисает конец веревки.

Боб садится, прислонившись к стене.

БОБ

Сколько времени мы здесь?

МАМОЧКИН

Полагаю, пошли вторые сутки.

БОБ

Нам нужно отдохнуть.

ДРОТОВ

Точно. Эти-то наверху,
небось, отсыпятся там.

Мамочкин смотрит вверх.

ДРОТОВ

Ничего, с револьвером-то
теперь спокойней. Отдохнем и
дальше.

МАМОЧКИН

Вы правы, набраться сил нам
не мешает.

Мамочкин и Дротов садятся на землю, устраиваются.

БОБ

Нет смысла тратить
электричество. Можно поспать
и в темноте.

Боб выключает фонарь.

ИНТ. НОМЕР ГОСТИНИЦЫ. ДЕНЬ.

Кэтт в халатике полулежит на кровати и чистит ноготки.

Открывается дверь, и входит Басофф в сопровождении Васьки.

БАСОФФ

Кэтт! Вы здесь?

Басофф выталкивает полового за дверь и идет к Кэтт.

БАСОФФ

Мое сердце предчувствовало,
что вы здесь. Едва этот
далматинский мастодонт
сообщил мне, что он
остановился в «Гранд-Отеле
Савьелово», и я опрометью
бросился сюда!

С «ах!» Кэтт бросается в объятия Басоффа. Они целуются.

БАСОФФ

Кэтт, соберите все ваше
мужество и выслушайте меня
спокойно.

КЭТТ

Увезите меня, наконец.
Увезите меня скорей из этой
страны.

БАСОФФ

Милая Кэтт, у меня в кармане
билеты на Берлин. Поезд
отъезжает через час. Завтра
мы с вами в Берлине. Завтра
мы навсегда свободны. Завтра
же я скажу вам: «Моя
маленькая крошка». А чековая
книжка? Где она? Он взял ее
с собой?

Басофф выпускает Кэтт из своих объятий.

КЭТТ

Она в чемодане.

Вздыхнув с облегчением, Басофф снова обнимает Кэтт.

БАСОФФ

Завтра же я скажу вам: «Моя
маленькая крошка, мы можем
быть счастливы, если успеем
снять с текущего счета те
два миллиона, которые совсем
не составят большой бреши в
капиталах «золотого осла».
Не губите же своей
молодости, милая Кэтт!

Кэтт в полубмороке закрывает глаза.

КЭТТ

Я согласна!

Басофф выпускает ее из рук.

БАСОФФ

Тогда нужно торопиться!
Скорей!

Басофф закрывает дверь на замок. Заметив за ней Васькину
тень, накидывает на замочную скважину пиджак.

БАСОФФ

Кэтт, не стойте столбом!
Одевайтесь! Извозчик ждет!

Кэтт лихорадочно начинает напяливать на себя дорожное
платье.

Басофф открывает чемодан Главича, вынимает из него чековую книжку, печать, с усмешкой трясет клетчатыми носками миллиардера и бросает их на кровать. Потом садится за стол и принимается составлять записку.

«Золотой осел, в московских подземельях я не нашел ни одной книжки, но зато я нашел целую библиотеку в сердце вашей очаровательной Кэтт. С совершенным почтением Теодор Басофффф».

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ДЕНЬ).

Кранц весь измазанный в земле делает попытку приподнять крышку: он пыжится изо всех сил, но у него ничего не получается. Обессиленный Кранц спускается вниз.

Там его ждет такой же чумазый инженер Шпеер.

КРАНЦ

Не выходит. Эта свинья
Басофф хорошо заложил.
Постарался.

ШПЕЕР

Может, вы попробуете
починить вашу машинку.

КРАНЦ

Вы смеетесь, герр Шпеер. Это
вам не лопата.

ШПЕЕР

Майн Гот! Зачем я сюда
приехал? Зачем согласился?
Мог бы сидеть себе спокойно
у себя в Веймаре, в кругу
семьи. А теперь, теперь мы с
вами, герр Кранц, здесь
умрем. Странная вещь –
судьба.

Кранц садится на корточки, достает из кармана сломанную сигару. Один обломок прикуривает, второй прячет в карман.

КРАНЦ

Если вы, дорогой герр Шпеер,
еще хотите попасть в Веймар
к своей дорогой Берте и к
своим дорогим детям, я вам
советую подняться и
продолжить попытки.

Чертыхнувшись, Шпеер лезет наверх.

ИНТ. НОМЕР ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР.

Дверь открывается. Васька, приветливо махнув салфеткой, с величайшим почтением пропускает уставшего, покачивающегося от изнеможения Главича. Поддерживает его тучное тело.

ВАСЬКА

П-жаллт-ссс!

Васька входит за Главичем. Обмахивает салфеткой пыль со стола, потом и с ботинок Главича, который валится на кровать.

ГЛАВИЧ

Кэтт. Кэтт, пошлите за коньяком и свежими сливками.

ВАСЬКА

Самоварчик прикажете-с? Это мы мигом!

ГЛАВИЧ

П-с-т! Где дама?

Васька, уже дошедший до двери, возвращается.

ВАСЬКА

Ушли-с с господином, другим иностранцем. Велели передать, что будут к девяти-с.

ГЛАВИЧ

Каким господином?

ВАСЬКА

Не могу знать.

ГЛАВИЧ

Никакого самовара не нужно. Я лягу отдохнуть. Никого не принимать. У меня голова болит.

ВАСЬКА

Слушаю-с!

Васька волчком выкатывается из комнаты и закрывает дверь. По коридору громко звучат его крепкие сапоги.

Миллиардер срывает душащий шею воротник. Проводит рукой по лицу. Тяжело дышит. Стирает со лба пот. Пытается подняться и сесть, но сил не хватает, хватается за сердце, за печень. Стонет от боли.

ГЛАВИЧ

Кэтт!

Главич с трудом поднимает руку, она скользит по стене в поисках звонка и не находит его. Вместо этого рука Главича находит письмо Басоффа. Миллиардер силится прочесть. Немощно вскрикивает.

ГЛАВИЧ

Кэтт! Кэтт!

Снова появляется Васька, оправляя свесившиеся на глаза кудри.

ВАСЬКА

Чего-с прикажете?

ГЛАВИЧ

Дай мне воды.

ВАСЬКА

В секунд!

Васька срывается с места.

Главич смотрит на украшенные объявлениями стены номера. От боли зажмуривает глаза. По его вискам течет пот.

ГЛАВИЧ

Ушла. Все один.

ВАСЬКА

Прошу!

Васька ловко протягивает стакан на ладони.

ГЛАВИЧ

Сядь.

Васька стоит и еще подобострастней протягивает стакан.

ГЛАВИЧ

Сядь! Посиди вот тут.

ВАСЬКА

Ничего-с! Мы и постоим-с.
Наша сила-с в ногах.

ГЛАВИЧ

Сядь!

Васька садится на краешек кровати, стараясь не задеть иностранного гостя.

ВАСЬКА

Вода, ваш благородь.

ГЛАВИЧ

Скажи мне, мой друг, что бы ты сделал, если бы у тебя было два миллиона?

ВАСЬКА

А что-с! Что в наше время на два лимона путного укупишь? Вот если бы трешник по червонному исчислению - тут, ваше здоровье, музыка серьезная. Тут я новые союзки к сапогам справлю да матери рупь, можь, а то - целковый, на покос спошлю. Знай Васькину доброту! Только ведь ты зря, господин хороший! Арапа заправляешь над бедным человеком.

ГЛАВИЧ

Что?

ВАСЬКА

Трешника-то, говорю, не дашь. Так, пули льешь со скуки.

ГЛАВИЧ

Какие пули? Зачем пули?

Его голос слабнет. Главич приподнимается и всматривается в Ваську, силясь его понять. Потом обессиленный откидывается на подушку, охватывая непослушными пальцами Васькину руку.

ГЛАВИЧ

Я умираю.

Васька вскакивает на ноги.

ВАСЬКА

Что? Как? Стой! Стой! Господин иностранец.хлопот-то! хлопот!

Васька делает круг по номеру. Останавливается, как вкопанный, ставит стакан с водой на стол.

ВАСЬКА

Погоди минуточку, я за
милицией сбегая. Погоди, ваш
благородь. Погоди.

Васька ловко выдергивает из-под миллиардера клетчатые
носки и на ходу, засовывая их в карман, бросается,
распахнув дверь номера, в коридор.

ВАСЬКА (З.К.)

Граждане, милые! Иностранец
из шашнадцатого помирать
собрался!

Миллиардер Главич в последний раз поднимает взгляд на
объявление «Просют матерно не выражаться».

НАТ. МОСКВА. БУТЫРСКАЯ ЗАСТАВА. ВЕЧЕР.

У гостиницы «Савелово» стоит автомобиль с шофером в
кожанке и телега со сторбленным возничим.
Из дверей выходят милиционер, за ним четыре мужика, среди
которых половой Васька, они выносят грубо сколоченный
гроб, грузят его на телегу. После выходят пожилой мужчина,
по виду врач, за ним Литвинюк с коллегой, оба в кожанках.
Пожилой мужчина раскланивается и уходит.

ЛИТВИНЮК

(возничему)

Давай, ехай.

(милиционеру)

Ты, проводи.

Милиционер запрыгивает на телегу. Возничий подгоняет
кобылу. Три мужика идут за телегой.

ЛИТВИНЮК

(Ваське)

Иди сюда.

Подобострастный Васька подскакивает.

ЛИТВИНЮК

Язык за зубами держи. Ясно?

ВАСЬКА

Так точно, ваше... господин
хороший.

ЛИТВИНЮК

Свободен.

Васька исчезает.

СОТРУДНИК ОГПУ

Главич мертв, Басофф и
любовница Главича в бегах,
немцы пропали.

ЛИТВИНЮК

Едем к профессору Мамочкину.

Они направляются к автомобилю.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (ВЕЧЕР).

Мамочкин включает фонарь. Поднимает его над головой.
Товарища Боба нет. Мамочкин ощупывает карманы. Засовывает
руки в один, во второй.

От света просыпается Дротов. Щурится.

МАМОЧКИН

Дротов, Боб пропал. С
браслетом. Украл все-таки.

Дротов хватается за ручку револьвера.

ДРОТОВ

На месте.

МАМОЧКИН

Куда же он, один?

ДРОТОВ

Напрасно вы об этом жлобе
переживаете, товарищ
Мамочкин. А за браслет не
бойтесь. Никуда он отсюда в
одиночку не денется.

Дротов встает, видит, что конца веревки нет.

ДРОТОВ

Сволочь, веревку вытащил.
Надо было его связать.

Мамочкин тоже вскакивает. Он и Дротов смотрят вверх.

ДРОТОВ

(кричит)

Боб! Боб!!!

Они прислушиваются в надежде услышать ответ.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (ВЕЧЕР).

Товарищ Боб приближается к месту, где располагалась засада концессионеров. Выглядывает в коридор, но никого не видит.

БОБ

Басов! Басов!

Луч фонаря скользит по стенам, но человеческого присутствия не обнаруживает.

БОБ

Басов!!! Федор!!!

ИНТ. ПЕЩЕРА. (ВЕЧЕР).

Дротов и Мамочкин тщетно ожидают ответ Боба.

ДРОТОВ

Все. Амба, как говорил балтиец Петрыкин. Не вылезем.

МАМОЧКИН

Не нужно терять надежду. Как-то раз в Крыму я просидел в пещере целую неделю. Как видите, выжил.

Дротов садится на землю и скручивает козью ножку.

ДРОТОВ

Покурим напоследок. Спасибо Кухаркину, его махорка.

Мамочкин смотрит вверх, потом берет кирку, разглядывает ее.

МАМОЧКИН

Дротов, вы сможете отделить ручку? У меня в мешке еще есть веревки и лестница, можно попытаться забросить кирку на край колодца.

Дротов встает, берет кирку и могучими руками раскачивает ее, вырывая, в конце концов, деревянную ручку.

ИНТ. МОРОЗОВСКИЙ ХОД. (ВЕЧЕР).

Кранц пытается лопатой расковырять доски.

Шпеер отдыхает от бесчисленных попыток сдвинуть крышку.

БОБ (З.К.)

Басов!

Шпеер вздрагивает. Прислушивается.

БОБ (З.К.)

Басов!

ШПЕЕР

Кранц, Кранц. Вы слышите?

Кранц спускается.

КРАНЦ

Что?

ШПЕЕР

Молчите. Слышите?

БОБ (З.К.)

Басов!

ШПЕЕР

Кажется, кто-то ищет нашего
русского друга.

КРАНЦ

Басофф нас обманывал, он
связан с русской
экспедицией. Выключите
фонарь.

Шпеер выполняет приказ, и все погружается в темноту.

БОБ (З.К.)

Басов! Федор! Где ты тут?

Подняв над головой фонарь, товарищ Боб приближается к
месту, где его ждут концессионеры.

БОБ

Басов! Басов!

Боб освещает проход. Перед ним вдруг возникает
перекошенное злобой лицо Кранца, который бросается на него
с лопатой. К нему присоединяется Шпеер. Они сцепляются в
один клубок.

Фонарь Боба падает. Свет гаснет.

ИНТ. ПЕЩЕРА. (ВЕЧЕР).

Дротов завязывает потуже узел на железной полосе от кирки.

Мамочкин разматывает веревку. Отходит в сторону.

Дротов подбрасывает импровизированный крюк вверх. Слышно, как он шлепается на камни. Дротов аккуратно тянет за веревку.

ИНТ. КАЗЕМАТ. (ВЕЧЕР).

Железная полоса от кирки сползает вниз. Через некоторое время она вылетает и падает уже дальше. Веревка натягивается. Железная полоса застревает за камнем, но недостаточно надежно и снова сползает вниз. Снова вылетает. На этот раз падает за вбитый между камней лом. Снизу несколько раз дергают за веревку. Лом медленно наклоняется. Железная полоса вклинивается между камней, готовая сорваться, но все-таки выдерживает. Через некоторое время показывается рука Дротова, хватаящая край колодца, а потом и он сам вылезает наверх.

ДРОТОВ

Павел Петрович!

МАМОЧКИН (З.К.)

Да. Я вас слышу.

ДРОТОВ

Я вылез, поднимайтесь!

МАМОЧКИН (З.К.)

Сначала, нужно вытащить находки. Сначала находки! Я сейчас их привяжу. Тяните!

НАТ. МОСКВА. БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА. ВЕЧЕР.

Улица оцеплена милицией.

НАТ. МОСКВА. ДВОР ДОМА НА БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКЕ. ВЕЧЕР.

У лаза в подземелье стоит автомобиль чекистов, в котором находится княгиня Оболенская.

Сами чекисты курят в стороне, наблюдая, как несколько красноармейцев под командой командира отделения ЗУДИНА вытягивают из открытого колодца двух чумазных немецких инженеров. Те испуганно озираются.

ЛИТВИНЮК

Сюда! Кто такие? Шпеер и Кранц?

КРАНЦ

Мы инженеры, работаем на строительстве метрополитена.

Солдаты подталкивают инженеров к чекистам.

ЗУДИН

Тут еще труп! А больше
никого!

Солдаты на веревках вытаскивают бездыханное тело Боба.
Волокут его к начальству.

ЛИТВИНЮК

Зудин, обыщи их.

ШПЕЕР

На каких основаниях! Мы
инженеры. Это была
самозащита.

Зудин, не слушая протесты, ощупывает карманы инженерских
пиджаков и брюк.

ЛИТВИНЮК

Разберемся. Где профессор
Мамочкин?

КРАНЦ

Какой профессор? Мы
инженеры, работаем по
концессии с советским
правительством! Мы
иностранные подданные!

СОТРУДНИК ОГПУ

Знаем мы, какие вы инженеры.

ШПЕЕР

Мы не знаем, где профессор.
Мы видели только его следы.
Этот был с ним. Он на нас
напал в темноте, мы
защищались. Он и профессора
вашего убил.

ЛИТВИНЮК

Разберемся. Зудин, тащи их в
машину и вызови труповозку.

Литвинюк присаживается на корточки, копается в карманах
одежды Боба: трубка, кисет, несколько патронов к
револьверу, паспорт на имя Роберто Форонди и браслет.

ЛИТВИНЮК

Форонди. Итальянец.

Литвинюк передает паспорт своему напарнику.

СОТРУДНИК ОГПУ

Хорватский миллиардер,
немецкие инженеры,
белоэмигрант с фальшивым
швейцарским паспортом и
итальянец, вероятно, агент
Муссолини. Тут пахнет
международным заговором.

ЛИТВИНЮК

В правильном направлении
мыслишь. Короче, так, –
белоэмигранты на деньги
хорватского миллиардера и с
помощью германских инженеров
и примкнувших к ним
итальянских фашистов
пытались проникнуть в Кремль
с целью физического
уничтожения руководителей
государства, свержения
советского правительства и
реставрации монархии. Так и
запишешь.

СОТРУДНИК ОГПУ

А Мамочкин пособник?

ЛИТВИНЮК

Лучше – невинная жертва.

Подходит Зудин.

ЗУДИН

А что с ямой-то делать?

ЛИТВИНЮК

В проход заложить динамит и
взорвать. Колодец закопать и
сравнять с землей. Вот так-
то. Лихо мы их скрутили!
Дело закрыто!

Литвинюк прячет браслет в свой карман и на радостях
хлопает Зудина по плечу.

ИНТ. ОБХОДНОЙ ЛАЗ. (ВЕЧЕР)

Мамочкин и Дротов доходят до места, где их ждали немецкие
инженеры. Свет их фонаря уже совсем тусклый.

Дротов поднимает с земли окурок сигары.

ДРОТОВ

Тут нас ждали. Точно. Не соврал Боб.

МАМОЧКИН

Где же они?

Внезапно свет фонарика гаснет. Все погружается в кромешную темноту.

МАМОЧКИН

Аккумуляторы сели. Дротов, где мешок? Там должны быть свечи и спички.

ДРОТОВ

Тихо! Ни слова. Там кто-то есть.

И, правда, где-то далеко слышатся чьи-то голоса.

ДРОТОВ

Слышали? Это они. Назад. Назад, Павел Петрович.

МАМОЧКИН

Я ничего не вижу. Куда идти?

Дротов зажимает ему рот ладонью и достает револьвер.

Луч света издалека ощупывает стены. Звук приближающихся шагов.

ЗУДИН (З.К.)

Кепкин, стой! Шнур закончился.

Луч света продолжает исследовать подземелье.

Дротов и профессор прижимаются к кирпичной кладке.

МАМОЧКИН

(шепотом)

Вы слышали, он крикнул «Кепкин». Товарищ Боб говорил, что он видел иностранцев.

ДРОТОВ

Кто их там разберет в темноте. Зачем рисковать. Пересидим малька.

ЗУДИН (З.К.)

Ну что, сладил? Давай уж скорей!

КЕПКИН (З.К.)

Сейчас, сейчас.

Луч в последний раз скользит по стенам. Слышно, как красноармейцы уходят.

ДРОТОВ

Вроде уходят.

Некоторое время они сидят молча. В кромешной темноте их лица с трудом различимы.

ДРОТОВ

Курить охота.

МАМОЧКИН

Представляете, Дротов, мы с вами здесь сидим, а где-то там, над нами, по улицам ходят люди, спешат по своим делам и даже не представляют себе, какое важное событие в жизни всего человечества сегодня произошло. Да, да, Дротов, тот факт, что мы сегодня обнаружили библиотеку – это величайшее событие. Величайшее. Только представьте, сотни тысяч страниц давно утраченных знаний. Какие находки всех нас еще ждут. Какие тайны еще будут раскрыты... Вы только представьте себе, Дротов. И жизнь... жизнь теперь обязательно станет лучше. Для всех нас. Для всех. Понимаете, Дротов, теперь обязательно...

НАТ. МОСКВА. ДВОР ДОМА НА БОЛЬШОЙ ДМИТРОВКЕ. ВЕЧЕР.

Зудин поджигает бикфордов шнур. Огонек бежит по нему вниз под землю.

КОНЕЦ